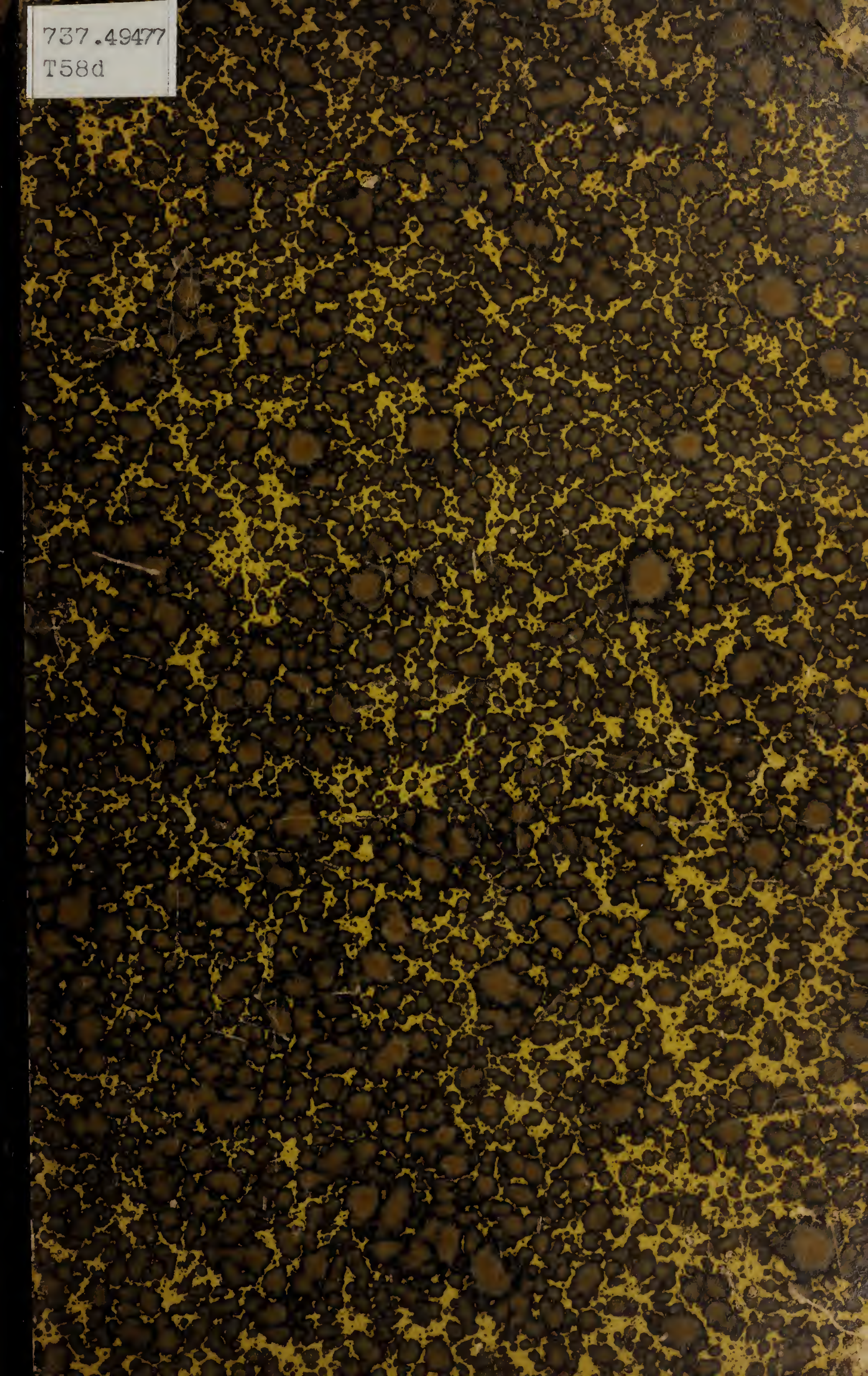

737.49477
T58d

George Vernadsky

November 18, 1933

ДРЕВНѢЙШІЯ РУССКІЯ МОНЕТЫ

X—XI ВѢКА.

Гр. И. И. ТОЛСТОГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго
Археологическаго Общества.

СЪ ДВУМЯ ФОТОТИПИЧЕСКИМИ ТАБЛИЦАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ДРЕВНѢЙШІЯ РУССКІЯ МОНЕТЫ

X—XI вѢКА.

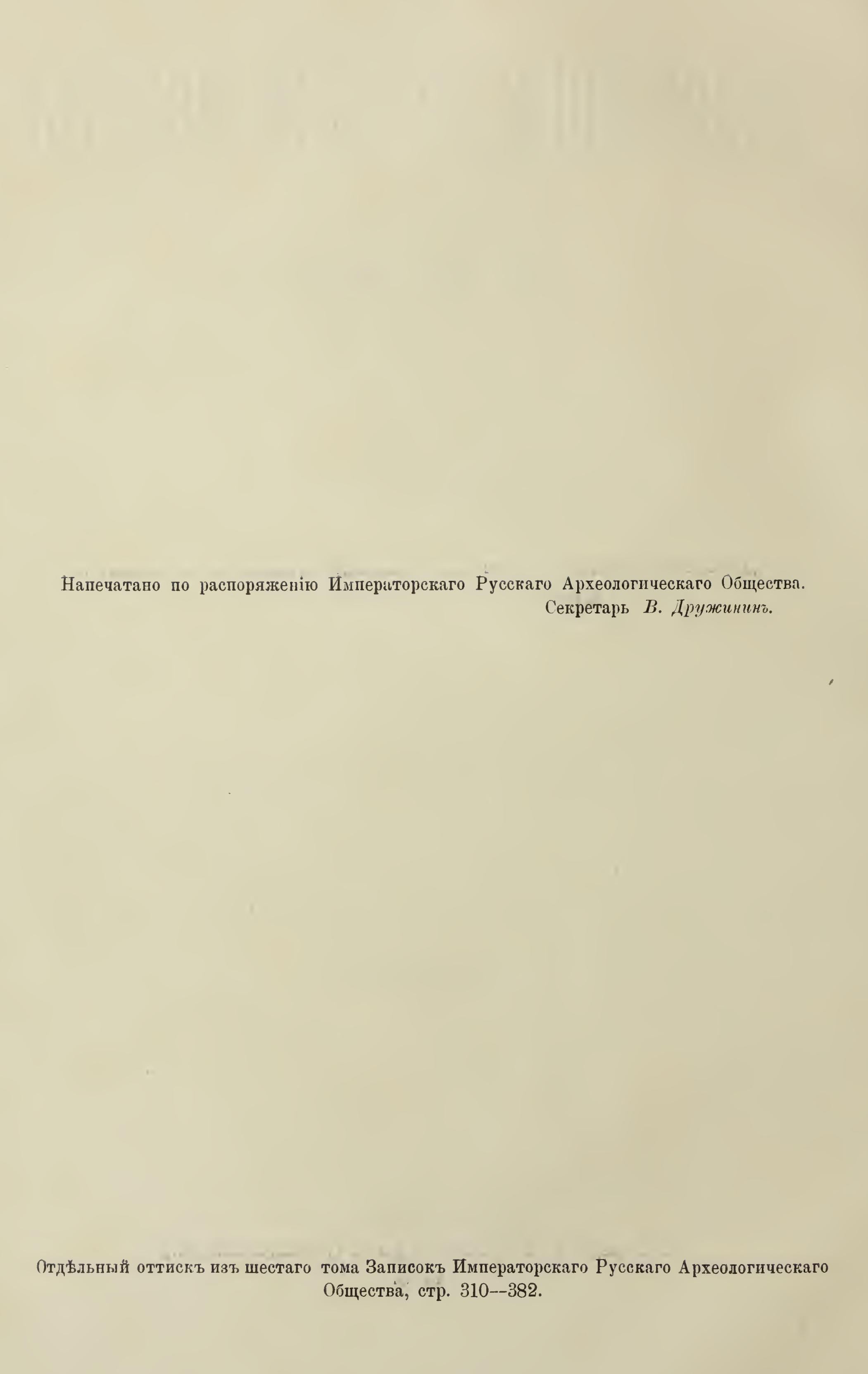
Гр. И. И. ТОЛСТОГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

СЪ ДВУМЯ ФОТОТИПИЧЕСКИМИ ТАБЛИЦАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ шестаго тома Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, стр. 310--382.

Тому назадъ одинадцать лѣтъ я выпустилъ въ свѣтъ монографію о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ вел. кн. Кіевскаго (Древнѣйшія Русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго, съ 19 табл. рисунковъ. Спб. 1882). Эта монографія представляетъ собою плодъ пятилѣтняго усерднаго труда надъ разобраннымъ въ немъ матеріаломъ, собрать который было крайне трудно, и разобраться въ немъ было почти столь-же трудно. Однако, удалось и собрать матеріалъ, и разобраться въ немъ, благодаря, съ одной стороны, стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, а съ другой—содѣйствію людей, болѣе меня опытныхъ и знающихъ. Появленіе этой монографіи вызвало нѣсколько одобрительныхъ отзывовъ, нѣсколько незначительныхъ критическихъ замѣчаній; этимъ, по всѣмъ правиламъ искусства, литература предмета и должна была бы до поры до времени закончиться: нетолько другіе, но и я самъ долженъ былъ бы забыть свое первородное дѣтище, до той минуты, когда новое открытіе не опровергло бы какое-либо изъ „существенныхъ“ моихъ положеній, или когда нашлось бы что-либо замѣчательное и новое въ разработанномъ мною предметѣ, хотя бы и подтверждающее мои положенія. Ничего подобнаго не случилось, а между тѣмъ я рѣшаюсь вновь писать о старомъ предметѣ, а что еще удивительнѣе, и другіе вспомнили о моей книжкѣ и занялись ею. Послѣднее обстоятельство можетъ послужить для меня извиненіемъ въ томъ, что, не имѣя повѣдать чего-либо особаго по предмету, я возвращаюсь къ нему, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляется поводомъ для того, чтобы коснуться вопроса, совсѣмъ не затронутаго въ моей монографіи, но исподволь мною разработаннаго и являющагося существеннымъ къ ней дополненіемъ. Впрочемъ, чтобы быть точнымъ, я долженъ сказать, что этотъ, разработанный мною вопросъ обратилъ на себя мое вниманіе уже лѣтъ восемь тому назадъ, когда

одинъ, нынѣ умершій, собиратель монетъ написалъ длинный, хотя не слишкомъ умѣлый, разборъ моей книги. Этотъ собиратель представилъ свою „критику“ въ одно ученое учрежденіе для напечатанія; съ его согласія, статья его была дана мнѣ на просмотръ и было предоставлено мнѣ отвѣчать на нее, что мною и было исполнено со всѣмъ тщаніемъ, но, затѣмъ, все это не появилось въ печати по разнымъ обстоятельствамъ. Это было мнѣ, конечно, въ свое время, нѣсколько жаль, ибо все же, пропала совершенно понапрасну извѣстная сумма и труда, и времени. Но по поводу такой потери утѣшиться легко — и я, вѣроятно, прождалъ бы еще долго, прежде чѣмъ возвратился бы къ вопросу о кіевскихъ монетахъ, прождалъ бы до тѣхъ поръ, пока вновь открытая монета или новый кладъ не обратилъ бы на нихъ вновь вниманіе, еслибъ не занялось ими еще одно лицо въ самое послѣднее время. Г. Черневъ напечаталъ уже, насколько мнѣ извѣстно, четыре статьи, посвященныя вопросу о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. Въ одной изъ нихъ онъ старался опредѣлить значеніе загадочной фигуры, находящейся на всѣхъ этихъ монетахъ. Другая статья г. Чернева появилась въ 1888 г. въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, издав. Археологическимъ Институтомъ (въ т. VI), подъ заглавіемъ: „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“. Въ этой статьѣ, несмотря на лестный отзывъ о внѣшнихъ качествахъ моего труда, г. Черневъ по существу силился доказать полную невѣрность моихъ выводовъ и построилъ новую теорію о значеніи такъ-называемыхъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ. Прочитавши эту статью, я не могъ согласиться со взглядами автора ея, но не нашелъ нужнымъ отвѣчать, не считая аргументацію г. Чернева достаточно доказательною и не желая вступать въ безплодную, на мой взглядъ, полемику. Впрочемъ, г. Черневу возразилъ одинъ изъ кіевскихъ нумизматовъ, скрывшій свою фамилію подъ буквами Н. Л., въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго“ (Кіевъ, 1889 г.). Наконецъ, въ самое послѣднее время, г. Черневъ обнародовалъ еще двѣ статьи въ издающемся имъ и г. Леопардовымъ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“ (вып. 3 и 4, Кіевъ, 1891 г.), посвященныя тому-же предмету. Въ этихъ статьяхъ онъ старается подкрѣпить свои первоначальные выводы, предупреждая о намѣреніи своемъ продолжать и впредь свои изысканія въ однажды принятомъ имъ направленіи. Вотъ эти-то послѣднія статьи г. Чернева служатъ для меня поводомъ вернуться къ старому для меня предмету, но не съ спеціальной цѣлью возражать автору перечисленныхъ статей или спорить съ нимъ: онъ съ самаго начала поставилъ меня въ до-

вольно затруднительное положеніе возражать ему, заявивъ, что я отнесся къ предмету изслѣдованія съ очевидно предвзятой мыслью, подгоняя подъ готовую теорію нужныя для меня доказательства, а, слѣдовательно, что бы я ни сказалъ въ защиту своей и въ опроверженіе его теоріи—должно быть отнесено за счетъ того-же моего пристрастія, весьма непохвальнаго качества во всякомъ изслѣдователѣ, разрабатывающемъ какой-либо вопросъ. Поэтому, статей г. Чернева я коснусь лишь для того, чтобы указать, что избранный имъ путь, т.-е. способъ доказательства истины придуманной имъ теоріи, положительно невѣренъ, заниматься же полемизированіемъ съ нимъ я считаю неумѣстнымъ. Такимъ образомъ, статьи г. Чернева служатъ поводомъ для меня вернуться къ вопросу о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ не потому, чтобы я хотѣлъ съ нимъ спорить, а по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что въ моемъ изслѣдованіи объ этихъ монетахъ осталось нѣчто недосказанное, притомъ такое, что могло бы заставить новыхъ изслѣдователей въ этой области быть осторожнѣе въ своихъ заключеніяхъ и не увлекаться кажущейся легкостью новыхъ открытій, не взвѣсивши предварительно всѣхъ доводовъ за и противъ. Этотъ существенный пропускъ въ моемъ изслѣдованіи былъ мною пополненъ отчасти, какъ было указано выше, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ по поводу замѣтки нынѣ умершаго нумизмата, но моя статья не была тогда издана, и вотъ теперь я считаю минуту удобной для того, чтобы издать ее съ нѣкоторыми ставшими необходимыми съ тѣхъ поръ измѣненіями и дополненіями.

Въ своемъ трудѣ я почти совсѣмъ не коснулся вопроса о томъ, послужили-ли какіе-либо иноземные образцы оригиналами для изготовителей штемпелей нашихъ монетъ и, если послужили, то какіе именно, иначе говоря—вопроса о томъ, отпечатокъ какого иноземнаго вліянія на нихъ замѣтенъ. Въ статьѣ Волошинскаго, въ которой онъ впервые опубликовалъ монеты Нѣжинскаго клада [1]), находится уже попытка сравнить наши монеты съ монетами византійскимя. Вотъ подлинныя слова Волошинскаго (на стр. VIII и IX отд. оттиска): „Мы замѣчаемъ: что а) начиная со временъ Василія II (975—1025) до Алексѣя I Комнина (1081—1116) чаще всего употребляется на монетахъ форма пре-

---

[1]) Труды Коммиссіи Высочайше учрежденной при Имп. Унив. св. Владиміра..... Кіевъ, 1853. Смѣсь. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, принадлеж. Минцъ-Кабинету Имп. Унив. св. Владиміра изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина, въ мая мѣсяцѣ 1852 года.

*

стола, изображенная на монетахъ I класса *(по моей классификаціи, монеты IV типа Владиміра);* и что, напротивъ того, начиная съ этого

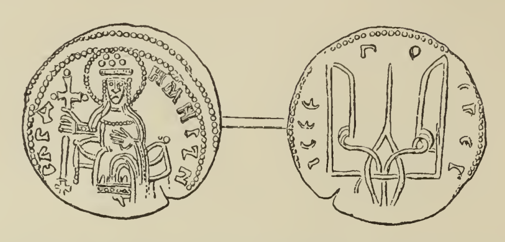

Рис. 1. Серебряная монета Владиміра святаго, IV типа (Др. Русск. мон. № 69. Т. VII, 11). Вѣсъ 73 доли.

времени, господствующею какъ бы формою престола была именно форма, замѣчаемая на монетахъ II класса *(по моей классификаціи, монеты III типа Владиміра);* b) крестъ, лабаръ и скипетръ чаще всего видимъ наклоненными на правое плечо фигуръ въ монетахъ Алексѣя I Комнина и смежныхъ съ нимъ царствованій; между тѣмъ, какъ до того времени эти предметы изображаются большею частью въ рукахъ фигуръ въ отвѣсномъ направленіи; c) одежду фигуръ на монетахъ, относящихся къ царствованію Алексѣя I Комнина и смежныхъ съ нимъ царствованій, чаще

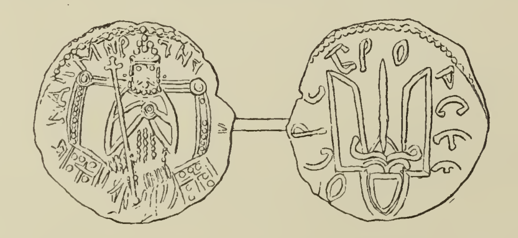

Рис. 2. Серебряная монета Владиміра святаго, III типа (ib. № 57. Т. VIII, 9). Вѣсъ 58 долей.

всего составляетъ плащъ (pallium), замѣчаемый на монетахъ II класса, въ то время, когда длинная мантія, изображенная на экземплярахъ I класса, свойственна болѣе фигурамъ, встрѣчающимся на монетахъ, близкихъ къ царствованію Василія II. Всѣ эти обстоятельства можно бы назвать на первый разъ случайностью, если бы не приводила насъ въ то же время къ подобнаго рода догадкамъ самая форма буквъ. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь ближе въ надписи монетъ I класса, мы ясно видимъ въ нихъ сходство отдѣлки буквъ съ современною отдѣлкою буквъ въ надписяхъ монетъ византійскихъ. Ихъ круглость и соразмѣрность, въ связи съ извѣстною вѣрностію начертанія, невольно напоминаютъ намъ времена Василія II; но, съ другой стороны, эта же самая круглость и соразмѣрность недоступны были для неопытнаго еще рѣзца русскаго мас-

тера, и потому догадываемся, что ихъ рѣзалъ грекъ, современный царствованію Василія II, или, что тоже, Владиміру Святому".

Все это говорилось Волошинскимъ съ цѣлью подтвердить свое предположеніе, что монеты, отнесенныя мною впослѣдствіе къ IV типу Владиміра (см. выше, рис. 1), могутъ быть признаны за монеты Владиміра Святого, а монеты, отнесенныя мною къ III типу (см. рис. 2), могутъ считаться деньгами Владиміра Мономаха. Не стану здѣсь говорить о недостаточности мало опредѣленныхъ намековъ, подобныхъ тѣмъ, какими пользовался Волошинскій для доказательства какого бы то ни было положенія, но считаю необходимымъ указать, что, даже несмотря па осторожную неопредѣленность выраженій, факты, на которые указывалъ Волошинскій, существовали лишь въ его воображеніи. Толковать о формѣ престола на монетахъ Василія II уже потому невозможно, что неизвѣстно ни одной монеты ни этого императора, ни его брата и соправителя Константина, на которой находилось бы изображеніе престола. На византійскихъ монетахъ съ VII вѣка императоръ *почти никогда* не изображался сидящимъ на престолѣ [1]), а изображался такимъ образомъ часто Спаситель, какъ Царь царствующихъ. Впервые встрѣчаемъ изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ и съ надписью: + IHS XPS RЄX RЄGNANTIVM на монетѣ Василія I и Константина IX (Sab. XLIV, 22); затѣмъ, въ теченіи 40 лѣтъ, этотъ типъ не встрѣчается, появляясь вновь лишь въ 911 году—на монетѣ Льва VI и Константина I (Sab. XLVI, 1) и оставаясь въ употребленіи на монетахъ двухъ послѣдующихъ императоровъ—Константина X и Романа I (Sab. XLVI, 3, 4, 6 и 12). Со времени единодержавія Константина X (съ 944 г.) до Романа III (1028 г.) Спаситель, па золотыхъ монетахъ, является лишь въ погрудномъ изображеніи [2]). На монетахъ послѣдняго императора (Sab. XLIX, 2) и Константина XII Мономаха (ib. 4) Спаситель представленъ на престолѣ прежней формы; на монетахъ Михаила VI и Исаака I Комнина (Sab. XLIX, 16 и 17) изображеніе то-же, но престолъ безъ спинки, а съ Константина XIII престолъ изображается опять со спинкою (Sab. L, 2, 6, 10, LI, 4); на монетахъ Алексѣя I Комнина и его преемника Іоанна II Спаситель изображается какъ во весь ростъ, сидя на престолѣ со спин-

[1]) Единственныя исключенія послѣ VII в. представляютъ, насколько мнѣ извѣстно слѣдующія 5 монетъ, на которыхъ императоры представлены на престолѣ, формою своей скорѣе напоминающемъ престолъ, изображенный на монетѣ моего III типа, а именно: Константина V и Льва IV (Sabatier pl. XL, 17), Василія I (Sab. pl. XLIV, 18), Василія I и Константина VIII (Sab. XLV, 2), Льва VI (ib. 14) и Льва VI и Александра (ib. 18).

[2]) Во весь ростъ, стоя, или сидя на престолѣ, видимъ Спасителя за этотъ періодъ лишь на мѣдныхъ монетахъ Іоанна Цимисхія.

кою и безъ спинки, такъ и погрудно, и главная разница отъ изображеній на болѣе древнихъ монетахъ, бросающаяся въ глаза, состоитъ въ измѣненіи надписи вокругъ изображенія Спасителя: вмѣсто прежней, полной, надписи видимъ или просто буквы ІC XC или эти-же буквы съ добавленіемъ словъ: ΚЄ (κύριε) ВОНΘЄΙ [1]).

Установить какое-либо общее правило относительно положенія креста, лабара или скипетра нѣтъ возможности: видимъ ихъ наклоненными на плечо, вопреки мнѣнію Волошинскаго, на монетахъ Романа (Sab. XLVII, 5) и Константиновъ XI и XII (Sab. XLVIII, 2, XLIX, 4, 5, 7, 8, 10), а на монетахъ Алексѣя I какъ наклоненными, такъ и стоящими вертикально (сравни Sab. LII, 1, 2 3 и др. и ib. 4, 16, 22). Мнѣніе о pallium'ѣ, высказанное Волошинскимъ, столь-же неосновательно; то-же приходится сказать о формѣ буквъ.

А. А. Куникъ въ своей извѣстной монографіи о Ярославлѣ сребрѣ довольно неопредѣленно указалъ на возможность происхожденія типа св. Георгія отъ современныхъ имъ рукописныхъ изображеній, но не коснулся вопроса о типѣ остальныхъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ, относительно ближайшаго опредѣленія которыхъ онъ выразился весьма уклончиво.

Подробнаго разбора вопроса о происхожденіи типа нашихъ монетъ не появлялось до сихъ поръ, и единственное, что было болѣе или менѣе ясно каждому—это то, что на нихъ видѣнъ отпечатокъ византійскаго искусства. Я, съ своей стороны, не затронулъ этого вопроса въ своемъ изданіи, не полагаясь въ то время на свои познанія въ области византійской нумизматики, на которую прежде всего, естественно, приходилось обратить вниманіе. Нынѣ считаю возможнымъ, занявшись въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ этимъ вопросомъ, пополнить этотъ важный пробѣлъ въ моемъ изслѣдованіи.

Первый вопросъ, на который приходится отвѣтить, это—встрѣчаются-ли въ византійской нумизматикѣ непосредственные оригиналы нашихъ монетъ? Для нѣкоторыхъ типовъ на это можно отвѣтить прямо утвердительно, но относительно большинства типовъ приходится установить фактъ, что такого опредѣленнаго оригинала, съ котораго копія была бы воспроизведена точно и старательно, у рѣзчиковъ штемпелей нашихъ монетъ не было, хотя близкое знакомство ихъ съ византійскими типами такъ-же несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что нѣкоторые штем-

---

[1]) Этотъ типъ съ надписью ІC XC впервые появляется на мѣдныхъ монетахъ Іоанна Цимисхія (969—976), впервые-же на золотыхъ монетахъ при Михаилѣ VII (Sab. LI, 4) царствовавшемъ съ 1071 по 1078 г.

пеля ихъ носятъ исключительно византійскій характеръ. Удостовѣрившись въ этомъ, приходится, слѣдовательно, постараться найти тѣ штемпеля византійскихъ монетъ, особенности которыхъ настолько запечатлѣлись въ памяти рѣзчиковъ нашихъ монетъ или были настолько хорошо извѣстны имъ, будучи при нихъ въ обращеніи, что, хотя они и не рабски подражали оригиналамъ, но особенности эти сознательно или невольно воспроизведены ихъ рѣзцомъ. Для того, чтобы опредѣлить эти характерныя особенности и быть увѣреннымъ, что совпаденіе ихъ на предполагаемыхъ прототипахъ и на русскихъ штемпеляхъ не случайно, самый вѣрный путь—отыскать аналогичные случаи въ нумизматикѣ другихъ странъ; иначе говоря, слѣдуетъ установить, какія особенности прототиповъ обыкновенно воспроизводились рѣзчиками штемпелей тѣхъ странъ, на монетахъ которыхъ вліяніе Византіи отразилось съ полною очевидностью. Аналогичныя нашимъ монетамъ подражанія византійскимъ типамъ, болѣе или менѣе близкія или отдаленныя, не трудно отыскать, такъ какъ преобладающее вліяніе византійскихъ типовъ на монеты почти всей Европы, а также отчасти и Азіи, неоспоримо можетъ быть установлено задолго до основанія Русскаго государства вплоть до XI—XII вѣка, а отчасти и позже. Этотъ фактъ вполнѣ понятенъ въ виду огромнаго значенія и вліянія византійской культуры того времени. Разработка вопроса о степени вліянія византійскихъ монетныхъ типовъ и установленіе границъ распространенія его какъ по мѣсту, такъ и по времени, имѣла бы большую важность не въ одномъ лишь нумизматическомъ отношеніи; такой трудъ является, однако, пока едва-ли осуществимымъ въ потребныхъ размѣрахъ и долженъ быть отнесенъ къ числу археологическихъ pia desideria.

Здѣсь я ограничусь нѣсколькими примѣрами, наиболѣе близкими къ нашимъ монетамъ по времени или по мѣсту, не заботясь о полнотѣ этой части моего изслѣдованія, не имѣя на то ни достаточно времени, ни нужды спеціально для занимающаго насъ вопроса о типѣ нашихъ монетъ.

Грузія установила, подобно Руси, болѣе тѣсныя сношенія съ Византіей въ X—IX вѣкахъ, что и отразилось на грузинской нумизматикѣ. Въ III томѣ Записокъ Имп. Русск. Археологич. Общ. (стр. 1—20) мною была помѣщена статья о монетѣ Константина Мономаха съ изображеніемъ Влахернской Божіей Матери; въ этой статьѣ я коснулся вопроса о грузинскихъ копіяхъ съ этой монеты, чеканенныхъ при царяхъ Багратѣ IV (1028—72 г.) и Георгіѣ II (1072—89 г.), причемъ я указалъ, что изображеніе Богородицы на грузинскихъ монетахъ слѣдуетъ считать чисто-монетнымъ типомъ. Не буду повторять здѣсь сказаннаго мною въ упомянутой статьѣ, а укажу лишь на способъ копированія византійскихъ штем-

пелей грузинскими монетчиками. На болѣе древней монетѣ Баграта видимъ очень близкую копію византійскаго прототипа, причемъ лишь лику Богородицы приданъ нѣсколько своеобразный типъ, болѣе грубый и широкій, зато всѣ подробности скопированы почти рабски: положеніе рукъ воспроизведено почти съ фотографическою точностью, складки плата, покрывающаго голову и плечи Богородицы повторены самымъ тщательнымъ образомъ, не забыты и крестики изъ четырехъ бусъ на платьѣ у плечъ и на лбу; надпись, однако, иная, чѣмъ на оригиналѣ, хотя тоже греческая: вмѣсто Η ΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙϹΑ на грузинской стоитъ ΗΑΓΙΑ ΘΚΟ (=ἡ ἅγια θεοτόκος). На позднѣйшей грузинской монетѣ (Георгія II) первоначальный типъ переданъ несравненно грубѣе, хотя и здѣсь замѣтно стремленіе точно воспроизвести мелкія подробности (крестики изъ бусъ, нѣкоторыя складки), но въ общемъ типъ значительно отдаляется отъ византійскаго оригинала; тѣмъ замѣчательнѣе возвращеніе къ первоначальной надписи, находящейся на этомъ оригиналѣ: именно здѣсь мы находимъ по сторонамъ Лика буквы ΜΡ ΘV, какъ на монетѣ Мономаха, и нѣсколько искаженную, повидимому, надпись: Η ΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙϹΑ—какъ будто копировальщикъ, сознавая свое неумѣніе точно скопировать изображеніе, возмѣстилъ недостатки копіи болѣе точнымъ воспроизведеніемъ надписей прототипа. Ограничиваюсь этимъ примѣромъ вліянія византійскаго типа на грузинскую нумизматику, какъ наиболѣе подходящимъ по времени къ эпохѣ чеканки нашихъ монетъ и обращаюсь къ нумизматикѣ страны, почти также далеко отстоящей отъ Константинополя на Западъ, какъ далеко отъ него на Востокъ отстояла Грузія.

Какъ во времена владычества Лангобардскихъ (южныхъ) князей, такъ и позже, при норманахъ, въ обѣихъ Сициліяхъ чеканились двоякаго рода монеты: однѣ являлись подражаніями современнымъ имъ куфическимъ, а другія—византійскимъ. Вотъ на нѣкоторыя изъ послѣднихъ, чеканенныхъ въ IX и X столѣтіяхъ, я и хочу обратить вниманіе. При этомъ руководствуюсь, кромѣ имѣющихся у меня оригиналовъ, прекрасными изображеніями, помѣщенными въ изданіи: „Monete cufiche battute da principi longobardi, normani e svevi nel regno delle due Sicilie, interpretate e illustrate dal pr. di S. Giorgio Domenico Spinelli e publicate per cura di Michele Tafuri“ (Napoli, 1844).

На первой-же страницѣ этого изданія изображены двѣ золотыя монеты Салернскаго князя, лангобарда Сигнульфа, 840—849 г. На лицевой сторонѣ этихъ монетъ находится погрудное изображеніе князя впрямь, въ вѣнцѣ, оканчивающемся крестомъ, и съ державою (сферою) въ правой рукѣ; круговая надпись гласитъ: +SICONOLFVS. На оборотѣ представленъ

крестъ на трехъ ступенькахъ, по сторонамъ котораго поставлены буквы S и I; круговая надпись: VICTOR PRINCI (= victoria principis); внизу CONDE. Эти монеты являются подражаніемъ типу, бывшему долгое время въ ходу въ Византіи и въ итальянскихъ владѣніяхъ Имперіи, и характернымъ

Рис. 3. Золотая монета Салернскаго князя Сигнульфа.

Рис. 4. Золотая монета Константина Копронима.

представителемъ котораго можетъ считаться монета Константина V Копронима (Sab. XL, 6). На лицевой сторонѣ этой монеты находится погрудное изображеніе императора впрямь, въ діадимѣ и съ державою въ правой рукѣ; круговая надпись: DNOCONSTANTINV (= dominus noster Constantinus); на оборотѣ представленъ крестъ на трехъ ступеняхъ, по сторонамъ котораго находится звѣзда и буква (напр. R = Ravenna?); круговая надпись: VICTORIA AVGV (= Victoria Augusti); внизу, въ обрѣзѣ: CONOB. Описанный типъ лицевой стороны можетъ считаться господствующимъ уже со временъ Юстиніана Безносаго (705 г.) вплоть до Василія I (867 г.), хотя и съ значительными отступленіями даже въ основныхъ чертахъ Многія изъ монетъ этого типа чеканились въ итальянскихъ владѣніяхъ Имперіи, главнымъ образомъ въ Равеннѣ, а потому фактъ копированія ихъ варварами, захватившими Апеннинскій полуостровъ, вполнѣ естественъ. Менѣе естественнымъ является фактъ копированія монетчикомъ Сигнульфа, княжившаго съ 840 г., съ типа монеты Копронима, умершаго цѣлыми 65 годами ранѣе этого времени (въ 775 г.). Тѣмъ не менѣе, судя по общимъ признакамъ, можно считать этотъ фактъ вполнѣ вѣроятнымъ: особенно характерна надпись CONDE въ обрѣзѣ оборотной стороны, являющаяся очевиднымъ подражаніемъ или искаженіемъ обычной до VIII в. на золотыхъ византійскихъ монетахъ надписи CONOB (= Constantinopolis 72), встрѣчающейся на монетѣ Копронима въ послѣдній разъ. Но типъ креста на ступеняхъ является на золотыхъ монетахъ еще на солидѣ Өеофила, о которомъ рѣчь впереди. Продолжительность царствованія Копронима, впрочемъ, можетъ до нѣкоторой степени объяснить усердное копированіе типа его монетъ, обращавшихся въ большомъ количествѣ еще въ IX вѣкѣ. Всматриваясь, однако, ближе въ подробности изображеній на монетахъ Сигнульфа и Копронима, можно легко замѣтить разницу въ деталяхъ: такъ, складки одежды лангобардскаго князя распо-

ложены иначе, чѣмъ складки императорскаго плаща. На монетѣ Сигнульфа держава непосредственно соприкасается съ фибулой плаща, тогда какъ на византійскомъ штемпелѣ между державой и фибулой видна еще часть плеча.

Просматривая таблицы изданія Сабатье съ изображеніями монетъ, чеканенныхъ въ періодъ времени, раздѣляющій эпоху Копронима отъ эпохи лангобардскаго князя, находимъ, на табл. XLIII подъ № 20 и на табл. XLIV подъ № 1, штемпеля, на которыхъ именно эти детали соотвѣтствуютъ указаннымъ на лангобардскомъ штемпелѣ. Монеты эти принадлежатъ императору Ѳеофилу, царствовавшему съ 829 по 842 г., т.-е. непосредственно передъ временемъ княженія Сигнульфа. Изображеніе императора, въ общемъ, соотвѣтствуетъ изображенію лангобардскаго князя, хотя и отличается отъ послѣдняго отсутствіемъ бороды. Форма фибулы (состоящей изъ двухъ кружковъ, отъ нижняго изъ коихъ ниспадаютъ три жемчужныя нити), которой застегнута на правомъ плечѣ мантія императора, вполнѣ тождественна съ формою фибулы на плащѣ Сигнульфа; расположеніе складокъ одежды вполнѣ тождественно, и держава непосредственно соприкасается съ фибулою. Совпаденіе такихъ мелкихъ подробностей не можетъ почесться случайнымъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что общій видъ штемпелей лицевой стороны указываетъ на связь монетъ Сигнульфа скорѣе съ монетами Копронима, чѣмъ съ монетами Ѳеофила. Оборотная сторона монетъ Ѳеофила тоже иная: на обѣихъ упомянутыхъ находится изображеніе его сына Константина. На той-же XLIII таблицѣ у Сабатье изображены, правда, монеты того-же Ѳеофила съ крестомъ на ступенькахъ на оборотной сторонѣ, но крестъ этотъ нѣсколько иной формы и надпись вокругъ него гласитъ: CYRIEЬOHΘH TO SOϽOVLO (Sab. XЬIII, 4, 5, 6); на серебряной монетѣ того-же императора (Sab. XLIV, 5) встрѣчается крестъ той формы, которую видимъ на монетахъ Копронима и Сигнульфа, но надпись вокругъ—IhSYS XRISTYS hICѰ.

Рис. 5. Золотая монета Ѳеофила и Константина.

Рис. 6. Золотая монета императора Ѳеофила.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести слѣдующее заключеніе о томъ, какимъ образомъ вышли изъ-подъ рѣзца монетчика Сигнульфа, интересующіе насъ штемпеля:

Находясь подъ впечатлѣніемъ типа монетъ Копронима, чеканенныхъ, вѣроятно, въ Равеннѣ и обращавшихся еще въ его время въ Италіи, изготовитель лангобардскихъ монетъ придалъ имъ общій видъ хорошо знакомаго ему византійскаго типа, но при разработкѣ деталей придерживался болѣе новыхъ типовъ, только-что, можетъ быть, появившихся въ его отечествѣ. Такимъ образомъ, еслибъ время чеканки лангобардскихъ монетъ не было опредѣлимо по другимъ признакамъ, пришлось бы опредѣлять это время не по общему характеру изображеній, а именно по мелкимъ признакамъ, которые указали бы, совершенно вѣрно, на эпоху, ближайшую ко времени царствованія Ѳеофила.

Приведу еще примѣръ изъ того-же изданія Тафури. На стр. 175 изображены двѣ мѣдныя монеты князя Мансы. На лицевой сторонѣ этихъ монетъ находится погрудное изображеніе человѣка впрямь съ двумя звѣздами по бокамъ; на оборотѣ — надпись въ три строки: MANSO VIC DVC (=Manso vicerosissimus dux). Авторъ предполагаетъ, что на лицевой сторонѣ, можетъ быть, изображенъ князь (protome, forse del duca). Характеристическія черты изображеннаго лица нераспознаваемы на этихъ штемпеляхъ дурной работы, несомнѣнно, однако, изготовленныхъ по образцамъ византійскимъ; зато ясно видна одна весьма характерная подробность: я говорю о звѣздахъ по бокамъ фигуры. Мнѣ извѣстно всего два византійскихъ штемпеля съ погруднымъ изображеніемъ и подобными звѣздами по сторонамъ его: первый изъ нихъ представленъ мѣдной монетой Іоанна I Цимисхія, изображенной у Сабатье на т. XLVIII, подъ № 8 [1]). На этомъ штемпелѣ погрудное изображеніе представляетъ ликъ Спасителя, а потому дозволено думать, что и на салернскихъ монетахъ предполагалось изобразить не герцога, а Спасителя, хотя, надо сознаться, крайне неудачно. Подтвержденіе этому я нахожу въ томъ, что на монетѣ одного изъ преемниковъ Мансы, Гваймара IV, повторяется типъ монеты Мансы, но по сторонамъ изображенія — не двѣ звѣзды, а буквы Α̅ и ω̅. Авторъ труда о сицилійскихъ монетахъ называетъ изображеніе protome incognita, хотя оно и совершенно

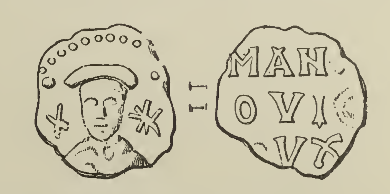

Рис. 7. Мѣдная монета Мансы.

Рис. 8. Мѣдная монета Іоанна Цимисхія.

[1]) Второй подобный штемпель, Михаила VII Дуки, изображенъ у Сабатье на т. LI, 8.

схоже съ находящимся на вышеописанныхъ монетахъ Мансы. Присутствіе по сторонамъ головы буквъ $\overline{\text{А}}$ и $\overline{\omega}$, мнѣ кажется, ясно указываетъ, чье изображеніе помѣщено на монетѣ Гваймара, такъ какъ хотя эти буквы и не встрѣчаются при ликѣ Спасителя на византійскихъ монетахъ, но были извѣстны всякому доброму христіанину, какъ приличествующія именно Христову лику. Итакъ, изъ сравненія монетъ Мансы и Гваймара можно считать изображеніе на монетѣ перваго ликомъ Спасителя, и является несомнѣннымъ, что монетчикъ герцога Мансы, княжившаго съ 981 по 984 г., взялъ за образецъ мѣдныя деньги Іоанна Цимисхія, царствовавшаго съ 969 по 976 г., причемъ копія оказывается весьма плохою и неточною въ общемъ, точно же скопированною является мелкая подробность оригинала—звѣзды по сторонамъ изображенія.

Изъ средневѣковой нумизматики Италіи можно было бы привести десятками примѣры подражаній византійскимъ типамъ, причемъ оригиналы этихъ подражаній обнаруживаются лишь по второстепеннымъ деталямъ штемпеля; приведенные мною примѣры избраны не по ихъ особой характерности или убѣдительности, а чисто случайно. Думаю, что сказаннаго пока будетъ достаточно, и я перейду къ другой области нумизматики, неминуемо выступающей, когда вопросъ идетъ о кіевскихъ монетахъ XI вѣка.

Древнѣйшія южно-славянскія монеты, опредѣленіе которыхъ не возбуждаетъ сомнѣнія, относятся къ концу XII столѣтія и принадлежатъ болгарскому царю Ясеню I. На серебряныхъ монетахъ этого царя на одной сторонѣ изображены двѣ фигуры во весь ростъ въ византійскомъ царскомъ одѣяніи, держащія въ рукахъ кресты, наклоненные на плечо; между фигурами стягъ (знамя); по бокамъ древка стяга, внизу, помѣщены двѣ звѣзды. На другой сторонѣ—изображеніе на престолѣ Спасителя, благословляющаго обѣими руками. Хотя монеты эти носятъ на себѣ явно византійскій отпечатокъ, однако тщетно было бы отыскивать между византійскими штемпелями такихъ, которые вполнѣ соотвѣтствовали бы болгарскимъ. Несмотря на это, можно почти съ увѣренностью указать на византійскую монету, послужившую образцомъ для болгарскихъ. На табл. LIV у Сабатье подъ № 16 изображена монета Іоанна II и Алексѣя Комниновъ (1118—1143 г.). На лицевой сторонѣ этой монеты изображены императоръ съ сыномъ, держащіе между собою лабаръ и имѣющій каждый въ рукѣ по кресту, наклоненному на плечо.

Рис. 9. Серебряная монета Ясеня болгарскаго.

На оборотной сторонѣ — изображеніе Спасителя на престолѣ съ благословляющей десницею; по бокамъ престола—двѣ звѣзды. Въ типѣ лицевой стороны обращаетъ на себя вниманіе та подробность, что у обоихъ представленныхъ лицъ находятся въ рукахъ кресты, наклоненные на плечо, что точно воспроизведено на болгарскихъ штемпеляхъ. Эта особенность встрѣчается въ византійской нумизматикѣ впервые именно на описанной

Рис. 10. Монета Іоанна и Алексѣя Комниновъ.

монетѣ Комниновъ и появляется вновь лишь на монетѣ Михаила VIII и Андроника II Палеологовъ (1266—1282 г.). Если къ сказанному добавить, что нѣкоторыя мелкія подробности въ одѣяніи совпадаютъ на штемпеляхъ византійскомъ и болгарскомъ, то связь ихъ должна быть признана несомнѣнной. Изображенія оборотныхъ сторонъ совпадаютъ гораздо менѣе: на византійскомъ штемпелѣ Спаситель благословляетъ одною десницею и по бокамъ престола изображены звѣзды; на болгарскомъ — Спаситель благословляетъ обѣими руками и звѣзды отсутствуютъ, да и вообще все изображеніе на обоихъ штемпеляхъ сильно разнится. Первый вопросъ, который возникаетъ,—откуда заимствовалъ болгарскій чеканщикъ жестъ благословенія обѣими руками? Если эта особенность не заимствована съ рукописнаго или живописнаго оригинала, что, пожалуй, допустимо, то можно объяснить ее позаимствованіемъ съ другого штемпеля Іоанна II, на которомъ представлена Богородица съ распростертыми покровительственно руками (у Сабатье, LIV, 13); форма престола тоже позаимствована, можетъ быть, съ другого штемпеля. Что касается звѣздъ, встрѣчающихся на византійскихъ штемпеляхъ въ указанномъ мѣстѣ лишь на описанной монетѣ и на другой, Мануила I Комнина (Саб., LV, 2), то, по моему мнѣнію, онѣ перенесены болгарскимъ чеканщикомъ съ оборотной стороны на лицевую, къ основанію древка стяга. Присутствіе этихъ звѣздъ, рѣдко встрѣчающихся на византійскихъ штемпеляхъ, хотя и на разныхъ сторонахъ той и другой монеты, является лишнимъ важнымъ указаніемъ на связь между описанными византійскимъ и болгарскимъ типами.

Рис. 11. Изображеніе Богородицы на монетѣ Іоанна Комнина.

Такимъ образомъ, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ копіею собственно съ нѣсколькихъ оригиналовъ или прототиповъ, причемъ въ эту копію вложены нѣкоторыя характерныя особенности каждаго изъ

нихъ и особое предпочтенiе отдано, по неизвѣстной намъ причинѣ, одному типу, почему-то остановившему на себѣ вниманiе копировальщика.

Считаю излишнимъ останавливаться къ разборѣ типовъ сербскихъ монетъ, многiе изъ которыхъ являются не непосредственными подражанiями византiйскимъ типамъ, а скопированы съ венецiанскихъ матапановъ (древнѣйшiя сербскiя монеты относятся къ XIII вѣку), какъ не стану останавливаться на послѣднихъ, чтобы напрасно не увеличивать размѣровъ настоящей статьи. По той-же причинѣ не останавливаюсь на скандинавскихъ, англо-саксонскихъ, франкскихъ и т. д. подражанiяхъ византiйскому типу. Разработка всего этого громаднаго нумизматическаго матерiала, интереснѣйшая сама по себѣ, дала бы лишь большее основанiе тѣмъ выводамъ, которые мною сдѣланы относительно описанныхъ копiй съ византiйскихъ типовъ, а потому постараемся примѣнить полученные выводы къ вопросу о происхожденiи типа нашихъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ.

Выше я указалъ, что при невозможности найти опредѣленный прототипъ чекана подражательно-византiйскаго характера, т. е. такой прототипъ, который во всѣхъ частяхъ соотвѣтствовалъ бы своей копiи, онъ можетъ быть найденъ по мелкимъ подробностямъ изображенiй; при разсмотрѣнiи типа русскихъ монетъ мнѣ придется обращать вниманiе главнымъ образомъ на эти особенности изображенiй на нихъ, причемъ я буду придерживаться моей классификацiи, разбирая типъ за типомъ.

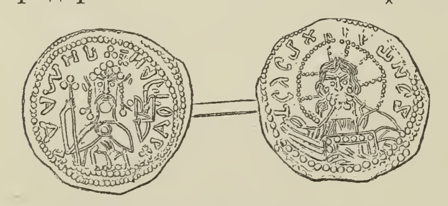

Рис. 12. Златникъ Владимiра. Др. Р. Т. V, 1. Вѣсъ 1 зол. 3 доли.

При разсмотрѣнiи золотыхъ монетъ Владимiра слѣдуетъ прежде всего обратить вниманiе на изображенiе оборотной стороны, на которой помѣщенъ ликъ Спасителя. Главное вниманiе должно быть обращено на эту сторону потому, что a priori можно уже предполагать, что при изображенiи лика Спасителя рѣзчикъ старательно придерживался, насколько хватало умѣнья, византiйскаго оригинала, каковъ бы онъ ни былъ, и что отступленiя отъ него окажутся не слишкомъ значительными. Просматривая византiйскiя монеты съ погруднымъ изображенiемъ Спасителя, я не могъ найти ни одного штемпеля, который настолько соотвѣтствовалъ бы во всѣхъ почти подробностяхъ со штемпелями русскихъ златниковъ, какъ штемпель одного солида Василiя и Константина, находящагося въ моемъ собранiи византiйскихъ монетъ. Величина изображенiй на византiйской и русской монетахъ одинакова; манера изображенiя бороды (какъ бы бусинами)

совершенно тождественна; проборъ на головѣ, какъ на византійскомъ штемпелѣ, такъ и на русскихъ, обозначенъ довольно грубой чертою. Правая рука Спасителя, которая отворачиваетъ край плаща, изображена на византійскомъ штемпелѣ очень неловко, такъ что ее можно принять за группу мелкихъ складокъ на самомъ плащѣ; рука эта образуетъ нѣкоторое возвышеніе по отношенію къ линіи плаща. Возвышеніе это преувеличенно передано на русскихъ штемпеляхъ, причемъ рѣзчикъ, очевидно, не сознавалъ его настоящаго значенія. Воротъ одежды у лѣвой стороны шеи Спасителя образуетъ вмѣстѣ со складкою одежды прямую линію до верхняго края Евангелія, находящагося въ лѣвой рукѣ; эта линія грубо, но точно передана и на русской копіи; группа пересѣкающихся черточекъ, изображающая складки надъ лѣвой рукой, воспроизведена русскимъ монетчикомъ съ большою добросовѣстностью... Вообще, сходство деталей столь замѣчательно, что, помимо сравнительной грубости работы русскихъ штемпелей, можно признать ихъ достаточно точными копіями съ византійскаго прототипа, съ замѣною латинской надписи (IhSXIS ReX ReGNANTIhm) русскою (ї҃сꙋсъ христисъ). На русскихъ копіяхъ замѣчается, однако, одно отступленіе отъ оригинала, довольно, на мой взглядъ, существенное. Голова Спасителя, какъ и на византійскихъ штемпеляхъ, окружена крестчатымъ нимбомъ, составленнымъ изъ бусинокъ; но тутъ пропущена русскимъ чеканщикомъ одна подробность—точки (драгоцѣнные камни) на перекрестьяхъ. Этотъ пропускъ представляется мнѣ объяснимымъ и самое объясненіе подтверждаетъ мое мнѣніе, что оригиналами для русскихъ монетчиковъ послужили византійскіе штемпеля, относящіеся ко времени не позже царствованія Василія и Константина. Дѣло въ томъ, что эти орнаментальныя точки появляются впервые на монетѣ Никифора II и Василія II, т. е. лѣтъ всего за десять-пятнадцать до времени чеканки нашего византійскаго штемпеля, но затѣмъ изображались почти постоянно на штемпеляхъ съ погруднымъ образомъ Спасителя [1]). Еслибъ чеканщики русскихъ монетъ имѣли передъ глазами преимущественно византійскія монеты XI или XII в., они, вѣроятно, не преминули бы воспроизвести эти точки, бросающіяся въ глаза на всѣхъ типахъ, подобныхъ имъ избран-

Рис. 13. Золотая монета Василія и Константина. Вѣсъ 1 зол. 4 доли.

---

[1]) На монетахъ Михаила IV (Саб., XLIX, 3) съ погруднымъ изображеніемъ Спасителя этихъ точекъ нѣтъ, но зато надъ поперечными чертами креста помѣщены два кружка; тѣ же кружки видны на одной монетѣ Василія и Константина моего собранія.

пому. Если копія исполнена въ X вѣкѣ, русскіе монетчики могли имѣть нерѣдко въ рукахъ монеты Константина X, Романа II и предшествующихъ императоровъ, на которыхъ подробность эта отсутствуетъ, а потому, какъ не совсѣмъ привычную для нихъ новостъ, могли и пропустить ее. Какъ увидимъ ниже, эти точки воспроизводились рѣзчиками штемпелей серебряныхъ монетъ.

Разсмотрѣвъ оборотную сторону нашихъ златниковъ, перехожу къ разсмотрѣнію лицевой ихъ стороны. На этой сторонѣ находится изображеніе великаго князя впрямь и во весь ростъ; хотя сидѣнія не видно, но слѣдуетъ предполагать, что рѣзчикъ желалъ представить его сидящимъ (быть можетъ, въ соотвѣтствіе съ надписью: **владимиръ на столѣ**), такъ какъ на всѣхъ извѣстныхъ штемпеляхъ ноги представлены согнутыми въ колѣняхъ, какъ у человѣка въ сидячемъ положеніи. Въ этомъ изображеніи сразу бросается въ глаза полное отсутствіе пропорціональности между головою съ верхнею частью туловища и ногами: необыкновенно маленькія, сравнительно съ головою, плечами и руками (рука почти втрое длиннѣе ноги), ноги выходятъ изъ груди фигуры, какъ-бы приклеены къ ней безъ всякой заботы о смыслѣ рисунка. Не будь изображеніе ногъ столь ясно или сотрись оно на какомъ-нибудь экземплярѣ, всю фигуру пришлось бы принять за поясное или погрудное изображеніе, причемъ рисунокъ, при всей грубости и неумѣлости работы, могъ бы считаться достаточно правильнымъ. Изъ указаннаго вытекаетъ заключеніе, что оригиналомъ для кіевскаго чеканщика долженъ былъ служить типъ съ пояснымъ или погруднымъ изображеніемъ, которое онъ скопировалъ, прибавивъ къ нему согнутыя ноги, что соотвѣтствовало смыслу круговой надписи: „Владимиръ на столѣ", т. е. на престолѣ, на тронѣ (о значеніи этой надписи—ниже); поэтому мы должны, отыскивая оригиналъ русскаго штемпеля, разсматривать изображеніе на немъ, какъ поясное, забывъ о томъ, что на немъ изображены ноги фигуры. Разсматривая его съ этой точки зрѣнія, трудно не найти замѣчательнаго сходства между нимъ и поясными изображеніями царей (особенно одного изъ нихъ, кажется—Константина) на монетахъ Василія и Константина, т. е. на тѣхъ-же монетахъ, съ которыхъ скопирована и другая сторона нашихъ златниковъ. Будучи принужденъ изобразить одну фигуру вмѣсто двухъ, копировальщикъ не съумѣлъ придержаться оригинала столь-же точно, какъ копируя ликъ Спасителя, и поэтому отступленія отъ оригинала довольно замѣтны, но есть цѣлый рядъ указаній на то, какъ старательно онъ стремился, хотя не всегда удачно, подражать. Тѣмъ интереснѣе видимо намѣренное отступленіе отъ оригинала, представляемое

длинными, висящими книзу усами, которыми украсилъ рѣзчикъ лицо великаго князя.

Такимъ образомъ, какъ на вѣроятнѣйшій византійскій прототипъ нашихъ златниковъ, приходится указать на золотые солиды императоровъ Василія II и Константина, зятевей Владиміра Святаго, царствовавшихъ съ 976 по 1025 г. Есть и другое указаніе на вѣроятное время чеканки нашихъ златниковъ, если признавать ихъ подражаніями византійской монетѣ, въ чемъ сомнѣваться, впрочемъ, нельзя. Это указаніе заключается въ самомъ внѣшнемъ видѣ нашей монеты, въ ея величинѣ: какъ извѣстно, царствованіе Василія и Константина характерно въ византійской нумизматикѣ тѣмъ, что именно къ этому времени относится рѣзкая перемѣна въ діаметрѣ солидовъ, который сильно увеличивается, причемъ вскорѣ монеты начинаютъ пріобрѣтать вогнутую форму, въ видѣ чашечки; рядомъ съ этимъ изрѣдка чеканятся солиды, напротивъ, гораздо меньшаго діаметра, чѣмъ прежде, но зато очень толстые. Еслибъ наши златники были чеканены позже царствованія Василія и Константина по византійскимъ образцамъ, то они навѣрно походили бы на оригиналы XI-го вѣка и по внѣшнему своему виду: между тѣмъ, они именно соотвѣтствуютъ по діаметру и по общему виду переходному періоду братьевъ-царей, скорѣе приближаясь къ монетамъ предшествующихъ царствованій и отличаясь отъ послѣдующихъ. Послѣ всего мною сказаннаго едва-ли можно сомнѣваться, какому Владиміру слѣдуетъ приписывать золотыя монеты съ этимъ именемъ, еслибъ даже не было другихъ доказательствъ въ пользу предположенія, что онѣ чеканены въ княженіе Просвѣтителя Россіи.

Переходя, по порядку описанія въ моей книгѣ, къ разсмотрѣнію штемпелей серебряныхъ монетъ, я не стану долго останавливаться на первомъ ихъ типѣ, такъ какъ о немъ пришлось бы повторять почти то-же, что и о золотыхъ монетахъ, вполнѣ схожихъ съ ними по изображеніямъ. Ограничиваюсь лишь немногими замѣчаніями. На нѣкоторыхъ изъ штемпелей изображеніе великаго князя на лицевой сторонѣ совершенно также, какъ и на золотыхъ, имѣетъ видъ поясного изображенія, къ которому приклеены ноги, обыкновенно согнутыя для обозначенія сидячаго положенія. На другихъ штемпеляхъ, хотя и столь-же грубыхъ, замѣтно уже болѣе сознательное отношеніе къ пропорціямъ фигуры во весь

Рис. 14. Серебряная монета Владиміра Святаго, I-го типа. Др. Р. м. Т. XII, 1. Вѣсъ 79 долей.

ростъ: голова замѣтно уменьшена, плечи съужены; впрочемъ, и на этихъ штемпеляхъ, видѣнныхъ мною доселѣ, еслибъ ноги оказались, вслѣдствіе дурной сохранности экземпляра, стертыми, все-же можно было бы принять изображеніе если не за поясное, то за поколѣнное. Оборотная сторона сребренниковъ I-го типа украшена, какъ и златники, ликомъ Спасителя, вполнѣ сходнаго пошиба, но, сообразно съ увеличеннымъ діаметромъ монеты, бо̀льшихъ размѣровъ. Въ противуположность замѣченному относительно штемпелей златниковъ, на штемпеляхъ оборотной стороны сребренниковъ I-го типа на крестообразномъ раздѣленіи нимба вокругъ лика Спасителя почти постоянно помѣщены бусы или точки, о которыхъ мною упомянуто выше. Число и расположеніе этихъ точекъ обыкновенно точно соотвѣтствуетъ числу и расположенію ихъ на монетѣ Василія и Константина, изображенной у Сабатье на т. XLVIII подъ № 10; такое характерное, въ видѣ розетки, расположеніе точекъ не встрѣчается болѣе ни на одной монетѣ, изображенной у Сабатье. Еще слѣдуетъ замѣтить, что на нѣкоторыхъ штемпеляхъ I-го типа полная надпись вокругъ лика Спасителя: **ісусъ христосъ** замѣнена извѣстною сокращенною: іс хс. Такое сокращенное написаніе имени Христова встрѣчается на золотыхъ византійскихъ монетахъ впервые при Никифорѣ Ботаніатѣ, т. е. въ концѣ XI вѣка, но уже въ X вѣкѣ оно было употребительно на мѣдныхъ монетахъ Іоанна Цимисхія, чеканенныхъ, судя по массѣ дошедшихъ до насъ экземпляровъ, въ громадномъ количествѣ и, благодаря этому, получившимъ широкое распространеніе и извѣстность и между „варварами". На этихъ монетахъ на лицевой сторонѣ находилось обыкновенно погрудное изображеніе Христа съ крестчатымъ нимбомъ и съ буквами іс. хс, или просто, или съ добавленіемъ слова **ЄММАНОΥНΛ**, а на оборотной сторонѣ четырехстрочная надпись: IhSYS XPISTYS BASILЄVS BASILЄ'(ωN). Вполнѣ вѣроятно предположеніе, что чеканщики перваго типа, вырѣзывая свои изображенія въ большемъ противъ золотыхъ монетъ масштабѣ, воспользовались для нѣкоторыхъ подробностей особенностями современныхъ имъ монетъ именно большихъ размѣровъ. Не только допуская, но и предполагая именно это, я, тѣмъ не менѣе, считаю несомнѣннымъ, что сребренники I-го типа Владиміра не суть непосредственныя копіи съ византійскихъ образцовъ, а являются копіями съ копій, т. е. что непосредственно съ византійскаго образца скопированы сперва златники, а съ нихъ затѣмъ сребренники Владиміра I-го типа,

Рис. 15. Изображеніе Спасителя на золотой монетѣ Василія и Константина.

причемъ рѣзчики не стѣснялись, однако, вводить мелкія подробности, хорошо знакомыя имъ по современнымъ имъ византійскимъ монетамъ.

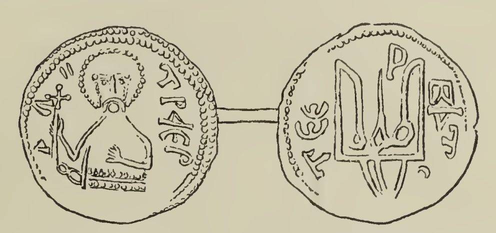

Рис. 16. Сребренникъ Владиміра Святаго, II-го типа.
Др. Р. м. Т. X, 11.

На монетахъ II-го типа Владиміра изображеніе великаго князя тоже, видимо, скопировано съ поколѣннаго или поясного изображенія, къ которому, съ прежнимъ отсутствіемъ пропорціональности, придѣланы ручки престола или, можетъ быть, концы подушки на престолѣ гораздо ниже половины фигуры, а также еле видныя ноги, наивно маленькихъ размѣровъ, съ тою-же очевидною цѣлью представить великаго князя сидящимъ. Прототипомъ для этихъ грубыхъ штемпелей могъ послужить любой византійскій штемпель, на которомъ императоръ изображенъ въ извѣстной парадной одеждѣ, раздѣленной на квадраты и усыпанной жемчугомъ или каменьями—напримѣръ, Никифора Фоки (Саб. XLVII, 15), или тѣхъ-же Василія и Константина. Этотъ грубый типъ могъ явиться даже простымъ искаженіемъ первоначальнаго, I-го типа, исполненнымъ малограматными, очевидно, и неумѣлыми мастерами. Такъ, детали одежды великаго князя оставлены совершенно безъ всякаго вниманія и все очертаніе его изображенія производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто вся работа рѣзчиковъ сосредоточивалась на томъ, чтобы изобразить хоть какую-нибудь человѣческую фигуру, не задаваясь болѣе сложнымъ воспроизведеніемъ аттрибутовъ или ея отличительныхъ чертъ. Этой неумѣлостью рѣзчиковъ объясняется измѣненіе типа оборотной стороны: не отваживаясь копировать ликъ Христа, какъ слишкомъ для нихъ сложное изображеніе, они предпочли перенести на эту сторону съ лицевой родовой знакъ великаго князя, изобразивъ его въ увеличенномъ масштабѣ. Изображеніе это не представляло никакихъ техническихъ затрудненій и удивительно упрощало работу. Впослѣдствіе это нововведеніе, возникшее вслѣдствіе неумѣлости, привилось окончательно, давъ всей серіи древнѣйшихъ русскихъ монетъ столь характерный отпечатокъ. Какъ мы видѣли выше, златники носятъ на себѣ вполнѣ ясный отпечатокъ византійскаго прототипа, который безъ труда, благодаря этому, отыскивается; I-й типъ сребренниковъ еще близокъ къ этому прототипу, хотя нѣсколько отда-

ляется отъ него; начиная со II-го типа, мы имѣемъ дѣло почти съ самостоятельными (болѣе или менѣе грубыми) чеканами. Тутъ уже нѣтъ прямого копированія, а лишь кой-какія, какъ увидимъ ниже, позаимствованія деталей съ современныхъ чужеземныхъ монетъ.

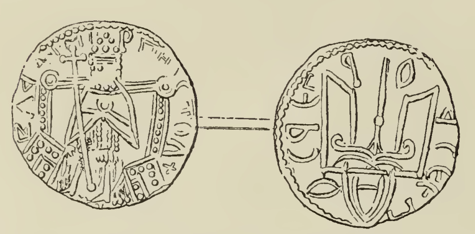

Рис. 17. Сребренникъ Владиміра Святого Ш-го типа. Др. Р. м. Т. VIII, 8. Вѣсъ 70 долей.

На монетахъ III-го типа останавливаетъ на себѣ вниманіе престолъ, на которомъ сидитъ великій князь. На этомъ типѣ престолъ впервые появляется ясно очерченнымъ и вполнѣ опредѣленной формы. Внимательно разсматривая эту форму, легко замѣтить, что престолъ на нашихъ монетахъ III-го типа является довольно точнымъ вопроизведеніемъ престола, на которомъ изображался Спаситель на монетахъ Льва VI, Александра, Константина X и Романа I Лакапена, обнимающихъ собою періодъ времени съ 911 по 944 г. (Саб., т. XLVI, 1, 3, 4, 6 и 12). Спинка этого престола состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ планокъ, изогнутыхъ почти на подобіе боковъ лиры, усыпанныхъ драгоцѣнными камчями и оканчивающихся наверху, на мѣстѣ пересѣченія горизонтальной прямой планкою (обозначенной двумя чертами), кружками; ножки престола и самое сидѣніе тоже усыпаны рядами камней. Другихъ, болѣе новыхъ прототиповъ этой формы престола я не могу отыскать: съ Романа I Лакапена до Романа III Аргира встрѣчается лишь одинъ штемпель, на которомъ Спаситель изображенъ на престолѣ, а именно штемпель мѣдной монеты Цимисхія (Саб., т. XLVIII, 4), но здѣсь онъ совершенно иной формы, чѣмъ на монетахъ III-го типа. На монетѣ Романа III форма престола тоже иная (съ прямою спинкою) и хотя на монетахъ Константина Мономаха, изображенной у Саб. на т. XLIX, 4, и Константина XIII Дуки (Саб., т. L, 6) лирообразная форма спинки престола и появляется вновь но она имѣетъ рѣшительно иной общій характеръ, а въ деталяхъ настолько удаляется отъ изображенія на монетахъ III-го типа, насколько послѣднее приближается къ изображенію на указанной

Рис. 18. Изображеніе Спасителя на золотой монетѣ Льва VI и Константина X.

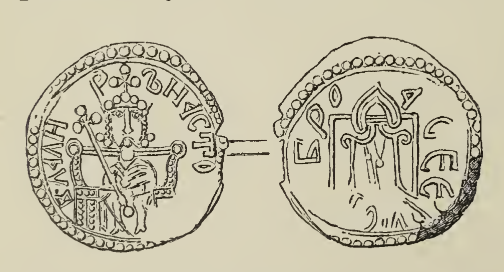
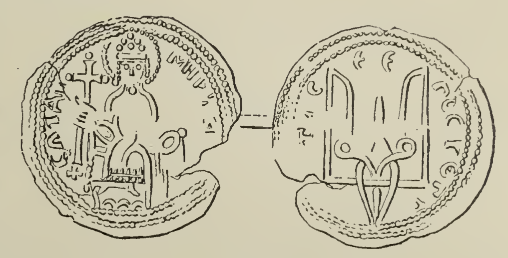

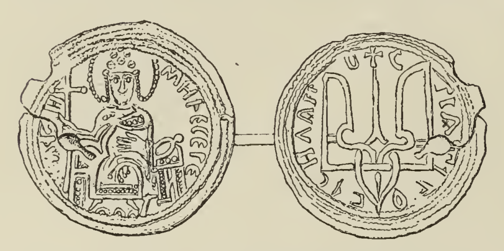
Рис. 19. Сребренникъ Владиміра Святого, Ш-го типа. Др. Р. м. Т. X, 1. Вѣсъ 79 долей.

выше монетѣ Льва и Константина. Такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что прототипомъ престола на сребренникахъ III-го типа слѣдуетъ считать изображенія на монетахъ X-го, а не XI-го вѣка. Одѣяніе великаго князя на монетахъ III-го типа является соединеніемъ особенностей одежды его на монетахъ I-го и II-го типовъ: поверхъ усыпанной жемчугомъ одежды II-го типа наброшенъ короткій (какъ онъ представленъ на монетахъ) плащъ съ круглой пряжкой монетъ I-го типа. Родовой знакъ на оборотной сторонѣ подвергся незначительному измѣненію противъ II-го типа. Въ общемъ слѣдуетъ указать на нѣкоторое улучшеніе работы рѣзчиковъ.

Рис. 20. Сребренникъ Владиміра Святого, IV-го типа. Др. Р. м. Т. IX, 2. Вѣсъ 59 долей.

Относительно штемпелей монетъ Владиміра четвертаго типа, укажу прежде всего на особенность, встрѣчающуюся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. На этихъ штемпеляхъ крестъ, который держитъ великій князь, поставленъ на подножку, составленную изъ нѣсколькихъ ступенекъ (такъ называемую „голгоѳу“). Такіе кресты *постоянно*, съ древнѣйшихъ временъ, изображались на византійскихъ монетахъ вплоть до Василія и Константина. Съ монетами этихъ императоровъ прекращается обычное изображеніе креста на ступенькахъ и встрѣчается впослѣдствіи лишь на единичныхъ, болѣе или менѣе рѣдкихъ штемпеляхъ (Саб., LI, 11, LII, 18, 22, LIII, 17, LIV, 14, LV, 9, LVI, 8). Этотъ фактъ указываетъ на заимствованіе этой особенности съ монетъ Василія и Константина или предшествовавшихъ имъ императоровъ; тутъ не было прямого копированія, а лишь воспроизведеніе детали, отлично знакомой и приглядѣвшейся рѣзчикамъ нашихъ штемпелей. Работа штемпелей IV-го типа сравнительно очень тщательная и указываетъ, какъ мнѣ кажется, на значительно болѣе строгій выборъ чеканщиковъ послѣ неудачнаго выбора грубыхъ мастеровъ, изготовителей II-го и III-го типовъ. На монетахъ IV-го типа замѣтно стремленіе къ передачѣ реальныхъ подробностей одѣянія и обстановки великаго князя, къ воспроизведенію которыхъ рѣзчики IV-го типа были, очевидно, способнѣе своихъ предшественниковъ. Къ такимъ реальнымъ подробностямъ я отношу и форму престола, вполнѣ подобной которой я не отыскиваю на византійскихъ монетахъ. Преобладающимъ типомъ этого престола является широкое кресло съ точеными ножками и съ невысокими ручками или невысокой легкой спинкою и съ положенной на сидѣнье длинной подушкою. Мнѣ ка-

жется, что ближе всего къ этой формѣ подходитъ, съ крупными, однако, варiантами, престолъ, изображенный на монетѣ Цимисхiя, о которой я упоминалъ выше. Этотъ престолъ, по деталямъ, ближе подходитъ къ престолу IV-го типа, чѣмъ престолы, которые изображались позже, на монетахъ XI и XII вѣковъ, хотя съ перваго взгляда они могутъ показаться похожими на помѣщенные на Владимiровыхъ сребренникахъ IV-го типа. Считаю нужнымъ указать еще на извѣстное сходство формы подушки на престолѣ сребренниковъ IV-го типа съ тѣми придатками по сторонамъ фигуры великаго князя на II-мъ типѣ, которые мною названы „ручками престола или концами подушки“. Очень можетъ быть, что неискусные и нехитрые чеканщики II-го типа, желая изобразить сѣдалище и не зная, какъ приняться за дѣло или откуда заимствовать форму этой важной подробности, хотя и неумѣло, попытались изобразить знакомый имъ, дѣйствительно существовавшiй предметъ княжеской обстановки. Конечно, я на этомъ предположенiи не настаиваю и не придаю ему бóльшаго значенiя, чѣмъ оно заслуживаетъ, но привелъ его, какъ кажущееся мнѣ лично довольно правдоподобнымъ, или, по крайней мѣрѣ, возможнымъ.

Рис. 21. Сребренникъ Владимiра Святого, IV-го типа. Др. Р. м. Т. VI, 9. Вѣсъ 69 долей.

На штемпеляхъ монетъ Святополка, на лицевой сторонѣ ихъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманiе орнаментацiя креста въ рукѣ великаго князя: вокругъ средины этого креста помѣщены четыре бусы, кромѣ помѣщенныхъ на концахъ его. Такая орнаментацiя встрѣчается чрезвычайно рѣдко на византiйскихъ штемпеляхъ—насколько я знаю, лишь на пяти или шести, и въ томъ числѣ на штемпеляхъ Василiя и Константина (Саб., XLVIII, 15—16); эта орнаментацiя настолько рѣдка, что можетъ быть названа характерной для серебряныхъ монетъ этихъ императоровъ и едва-ли можно ошибиться, утверждая, что она заимствована русскими монетчиками именно съ послѣднихъ. Что касается вообще типа лицевой

Рис. 22. Сребренникъ Святополка. Др. Р. м. Т. IX, 3. Вѣсъ 35 долей.

Рис. 23. Лиц. сторона сереб. монеты императоровъ Василiя и Константина.

стороны сребренниковъ Святополка, то онъ является явнымъ подражаніемъ IV-му типу Владиміровыхъ монетъ, притомъ подражаніемъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно грубымъ: какъ будто вновь обратились къ услугамъ изготовителей монетъ II-го и III-го типа Владиміровыхъ сребренниковъ. Впрочемъ, даже при поверхностномъ разсмотрѣніи извѣстныхъ доселѣ немногочисленныхъ экземпляровъ Святополковыхъ монетъ замѣтно большое разнообразіе въ степени умѣлости ихъ изготовителей: въ моей коллекціи имѣется одинъ экземпляръ, на который уже въ своемъ первомъ трудѣ я обратилъ вниманіе будущихъ изслѣдователей, несомнѣнно изготовленный мастеромъ, чеканившимъ монеты Владиміра четвертаго типа. Поле оборотной стороны занято, какъ и на монетахъ Владиміра послѣднихъ трехъ типовъ, родовымъ знакомъ Кіевскихъ государей, но нѣсколько отличной формы, что объясняется перемѣною царствованія.

Относительно монетъ, приписываемыхъ мною Ярославу, I-го типа я долженъ сказать, что я не нахожу среди византійскихъ монетъ прототипа для нихъ, поэтому мнѣ кажется возможнымъ предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ, въ нумизматическомъ смыслѣ, типомъ, существованіе котораго вполнѣ допустимо послѣ почти тридцатилѣтняго или, по крайней мѣрѣ, двадцатипятилѣтняго періода чеканки на Руси собственной монеты, особенно если принять во вниманіе то, что мною было сказано выше по поводу IV-го типа Владиміровыхъ сребренниковъ.

На оборотной сторонѣ монетъ Ярослава, II-го типа, по срединѣ родоваго знака кіевскихъ князей, находится изображеніе полумѣсяца. Если допустимо здѣсь искать аналогій въ области византійской нумизматики, то слѣдуетъ указать, что изображеніе полумѣсяца встрѣчается тоже именно на монетахъ братьевъ-царей Василія и Константина (на штемпеляхъ серебряныхъ монетъ, подъ крестомъ).

Рис. 24. Сребренникъ Ярослава, II-го типа. Др. Р. м. Т. IX, 12. Вѣсъ 91 доля.

Оригинала изображеній, находящихся на монетахъ Ярослава, III-го типа, тщетно было бы искать въ византійской нумизматикѣ. Уже А. А. Куникъ, въ своемъ сочиненіи „О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміро-

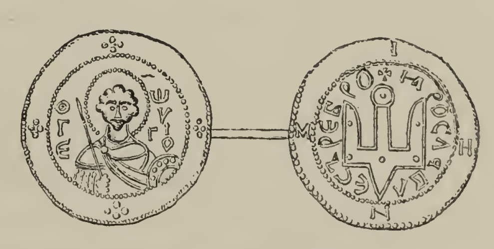

Рис. 25. Сребренникъ Ярослава, III-го типа. Др. Р. м. Т. XIII, 1. Вѣсъ 85 долей.

вича“ (Спб. 1860), выразился, что „можно думать, Ярославъ перенесъ на монету ликъ св. Георгія со своей печати“ (стр. 114 назв. соч.); я постарался, въ рефератѣ, читанномъ мною на Ярославскомъ Археологическомъ съѣздѣ, тверже обосновать это предположеніе [1]). Отсылая интересующихся вопросомъ къ напечатанной въ „Трудахъ“ съѣзда статьѣ, ограничусь лишь указаніемъ на то, что ликъ св. Георгія былъ очень часто изображаемъ на византійскихъ печатяхъ и именно въ томъ „изводѣ“, какой видимъ на Ярославлемъ сребрѣ, и что слово амин, помѣщенное на оборотной сторонѣ, по краю штемпеля, не встрѣчаясь на монетахъ вообще, напротивъ того, достаточно употребительно на печатяхъ, заканчивая собою молитвенныя воззванія, вырѣзывавшіяся на нихъ.

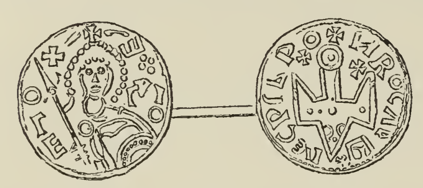

Рис. 26. Скандинавская копія съ Ярославля сребра (III-го типа). Др. Р. м. Т. XIII, 5. Вѣсъ 35 долей.

Мы видѣли, что на большинствѣ типовъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ замѣтна та или другая, болѣе или менѣе бросающаяся въ глаза особенность, которую можно найти на штемпеляхъ монетъ Василія и Константина; особенности эти достаточно характерны для того, чтобы вывести заключеніе, что всѣ рѣзчики нашихъ монетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, изготовителей „Ярославля сребра“, были хорошо знакомы съ монетами братьевъ-императоровъ и имѣли ихъ въ рукахъ, будучи современниками ихъ долголѣтняго царствованія; форма престола на штемпеляхъ III типа Владиміра, заимствованная съ византійскихъ штемпелей предшествовавшихъ царствованій, могла быть тоже еще хорошо извѣстна въ концѣ X вѣка или въ началѣ XI, т. е. современнику Василія и Константина. Результатъ изслѣдованія типа древнѣйшихъ русскихъ монетъ вполнѣ согласуется съ ранѣе полученными выводами о времени чеканки ихъ, такъ какъ время княженія Владиміра Святого, Святополка и начала княженія Ярослава совпадаютъ со временемъ царствованія Василія и Константина, совмѣстно занимавшихъ престолъ съ 976 по 1025 г.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ общемъ ходѣ „медальернаго искусства“ за этотъ періодъ, какъ ходъ этотъ представляется на основаніи всего вышеизложеннаго, и указать на нѣкоторыя особенности, о которыхъ я не упомянулъ; наконецъ, считаю нужнымъ коснуться лишь вскользь надписей, находящихся на нашихъ монетахъ.

Начну съ установленія несомнѣннаго для меня факта, основаннаго

---

[1]) Труды VII-го Археологич. съѣзда въ Ярославлѣ, т. II, Москва, 1891, стр. 73.

на характерѣ исполненія штемпелей, что первыми монетчиками были у насъ не хорошіе, призванные изъ Византіи мастера, а туземные, не Богъ вѣсть какъ обученные, или, въ крайнемъ случаѣ, совершенно второстепенные, приглашенные мастера. Начали они съ изготовленія золотыхъ монетъ, предназначавшихся скорѣе для подарковъ, чѣмъ для обращенія въ народѣ, какъ мѣновыя цѣнности: въ X и XI вѣкахъ, да и позже, судя по составу находимыхъ у насъ кладовъ, ходячей цѣнностью была серебряная монета, золотая же могла, и то лишь крайне сомнительно, служить для торговыхъ сношеній съ Византіею, въ которыхъ, однако, несомнѣнно преобладала, если не существовала исключительно, мѣна натурою. Вполнѣ, впрочемъ, совмѣстимо съ понятіемъ о первыхъ проявленіяхъ культуры въ молодомъ христіанскомъ государствѣ удовлетвореніе стремленія къ внѣшнимъ признакамъ этой культуры ранѣе удовлетворенія реальныхъ потребностей. Поэтому, мнѣ кажется, и начали на Руси съ чеканки золотой монеты, являвшейся ненужною практически для того времени роскошью. При этомъ старались близко подражать старшимъ братьямъ, византійцамъ. Уже послѣ удовлетворенія казовой, такъ сказать, стороны, постарались примѣнить пріобрѣтенный опытъ къ удовлетворенію дѣйствительной потребности, и приступили къ изготовленію монеты серебряной—ходячихъ денежныхъ знаковъ. Аналогіи этому можно отыскать и въ западно-европейской средневѣковой нумизматикѣ (напр., англо-саксонской). Въ началѣ туземные русскіе ковачи крайне упростили для себя дѣло изготовленія штемпелей для серебряной монеты, перенеся на нее просто типы золотой въ увеличенномъ лишь масштабѣ. Вообще мастера и здѣсь были неважные, но и между этими неважными мастерами, можетъ быть отчасти тѣми же, которые изготовляли раньше золотую монету, были сравнительно порядочные, но были и совсѣмъ плохіе, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые штемпеля серебрениковъ I-го типа. Можетъ быть, именно вслѣдствіе этой крайней неумѣлости рѣзчиковъ явилась необходимость упрощенія типовъ, причемъ, дѣйствительно, самымъ практичнымъ было замѣнить хотя бы на одной сторонѣ сложное изображеніе болѣе простымъ. Такимъ образомъ явился II-й типъ сребренниковъ, гдѣ ликъ Христа замѣненъ родовымъ знакомъ. Съ этого времени типъ русскихъ денегъ сталъ чисто національнымъ, а не подражательнымъ. Но безобразные, съ без-

Рис. 27. Сребренникъ Владиміра святого, I-го типа. Др. Р. м. Т. XIV, 9. Вѣсъ 69 долей.

грамотными надписями сребренники II-го типа должны были оскорблять даже мало развитое еще эстетическое чувство новообращеннаго народа или самого государя, и были приложены нѣкоторыя старанія отыскать мастеровъ получше. Результатъ этихъ стараній мы видимъ въ появленіи сребренниковъ III-го типа, съ болѣе грамотными надписями и съ изображеніями нѣсколько улучшенными, хотя бы въ томъ отношеніи, что великій князь впервые ясно представленъ сидящимъ, въ соотвѣтствіе со смысломъ надписи на монетахъ. Можетъ быть, обратились даже къ рѣзчикамъ I-го типа, такъ какъ мнѣ кажется, что нѣкоторые штемпеля III-го типа пошибомъ работы поразительно напоминаютъ штемпеля I-го типа. Въ виду требованія представить великаго князя сидящимъ и безсилія придать ему сидячую позу умѣлѣе и яснѣе, чѣмъ на монетахъ золотыхъ и серебряныхъ I-го и II-го типовъ, вполнѣ понятно, почему явилась необходимость представить сѣдалище или престолъ. Гдѣ было найти форму этого сѣдалища? Перенести на штемпель дѣйствительную форму великокняжескаго престола было, вѣроятно, не по силамъ изготовителямъ штемпелей III-го типа, да и страшно было приступать къ такой работѣ послѣ неудавшейся попытки рѣзчиковъ II-го типа. Наши мастера упростили свою работу, скопировавъ прямо нужный имъ престолъ съ хорошо знакомыхъ имъ византійскихъ монетъ, не заботясь о томъ, что, можетъ быть, великій князь никогда на такомъ тронѣ не сидѣлъ. Но и эта, нѣсколько улучшенная, фактура штемпелей казалась уже недостаточно хорошей, и дѣло изготовленія штемпелей передано было въ новыя руки, на этотъ разъ дѣйствительно болѣе умѣлыя. Возможно даже предположеніе, что къ этому времени явилась возможность передать монетное дѣло въ руки обучившихся уже достаточно солидно въ Византіи русскихъ мастеровъ. Эти наилучшіе, за исключеніемъ „Ярославля сребра“, изъ всѣхъ древнѣйшихъ русскихъ штемпелей составляютъ, по моей классификаціи, IV-й типъ. Здѣсь, какъ было указано выше, великій князь довольно искусно представленъ сидящимъ на тронѣ опредѣленной формы, вѣроятно, соотвѣтствующей дѣйствительности. Форма эта могла быть и византійской, какъ и самый престолъ могъ быть присланъ вмѣстѣ съ регаліями Владиміру святому (не Владиміру Мономаху, какъ нынѣ можно считать доказаннымъ), или же онъ могъ быть изготовленъ по византійскому образцу. Вотъ ходъ монетнаго дѣла въ княженіи Владиміра, какъ онъ вытекаетъ изъ разсмотрѣнія доступнаго намъ нумизматическаго матеріала.

Послѣ смерти Владиміра чеканку монеты при его сынѣ и наслѣдникѣ Святополкѣ продолжали сперва изготовители лучшихъ штемпелей

Владимірова времени, или, что то же, тѣ ковачи, которымъ было поручено это дѣло въ концѣ княженія перваго христіанскаго повелителя Руси. Это доказывается одною монетою Святополка, изданною мною въ первомъ моемъ трудѣ и на которую я тогда же указалъ, какъ на вполнѣ однородную по работѣ съ сребренниками Владиміра, IV-го типа. Но эта монета представляетъ собою пока единственное указаніе на приведенный мною выше фактъ. Всѣ остальныя извѣстныя намъ монеты Святополка обнаруживаютъ новое паденіе монетнаго дѣла, указываютъ, что оно вновь попало въ неумѣлыя руки, можетъ быть, тѣхъ же малограмотныхъ мастеровъ, которые изготовляли сребренники II-го и III-го типа Владиміра. Можетъ быть, наступившія вскорѣ по востоленіи Святополка смуты отразились на судьбѣ болѣе искуснаго руководителя денежнаго дѣла: можетъ быть, онъ бѣжалъ, съ нимъ вмѣстѣ убѣжали или разбѣжались мастера, можетъ быть, онъ былъ убитъ: мы можемъ лишь установить фактъ, что изготовленіе монетъ вновь попало въ руки людей неумѣлыхъ, и оставалось, вѣроятно, въ этихъ рукахъ до того времени, когда возстановлено было внутреннее спокойствіе страны утвержденіемъ единодержавной власти Великаго Ярослава. Къ этому послѣднему періоду относятся, по моему предположенію, отлично, можно сказать, исполненныя монеты Ярослава, III-го типа, такъ называемое „Ярославле сребро". Этотъ типъ слѣдуетъ признать наиболѣе совершенной работой ковачей монетъ домонгольской Руси, притомъ настолько совершенной, что она удостоилась, наравнѣ съ византійскими монетами, копированія со стороны скандинавскихъ монетчиковъ. Такою копіею я признаю такъ-называемые стокгольмскіе экземпляры „Ярославля сребра" (см. рис. 26), изъ-за котораго возникла, какъ извѣстно, знаменитая въ русской нумизматической литературѣ полемика между бар. Кёне и А. А. Куникомъ, окончившаяся полнымъ торжествомъ послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ опроверженіемъ басни о существованіи Олеговой монеты. Считаю нелишнимъ для лицъ, незнакомыхъ съ моимъ первоначальнымъ изслѣдованіемъ и могущихъ поэтому найти содержаніе предъидущихъ строкъ неубѣдительнымъ, напомнить здѣсь, что время чеканки монетъ, насъ интересующихъ, опредѣлено на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ состава разныхъ кладовъ, т.-е. такихъ данныхъ, которыя въ нумизматикѣ слывутъ и на самомъ дѣлѣ являются одними изъ самыхъ доказательныхъ; что касается хронологической послѣдовательности возникновенія отдѣльныхъ типовъ, то она установлена, главнымъ образомъ, на основаніи перечеканенныхъ экземпляровъ, т.-е. фактовъ, имѣющихъ, безспорно, рѣшающее значеніе. Такимъ образомъ, я пока не касался выводовъ, сдѣ-

ланныхъ мною ранѣе, какъ бы предполагая, что они уже знакомы читателю, интересующемуся вопросомъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется коснуться ихъ по крайней мѣрѣ настолько, что съ ними ознакомятся читатели, которые моего труда о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ не просматривали. Послѣ этого отступленія, казавшагося мнѣ необходимымъ въ интересахъ читателя, возвращаюсь къ прерванному разбору типа нашихъ монетъ и ихъ особенностей.

Изъ всѣхъ деталей лицевой стороны нѣкоторыхъ изъ типовъ разсматриваемыхъ монетъ наибольшее, можетъ быть, недоумѣніе возбуждало присутствіе нимба или вѣнчика вокругъ головы великаго князя. Привыкши считать этотъ аттрибутъ символомъ святости изображаемаго лица, многіе, естественно, отказываются допустить, чтобы вѣнчикъ могъ быть изображаемъ на монетахъ вокругъ головы государя при его жизни. Такое недоумѣніе, понятное со стороны неспеціалистовъ, едва-ли, однако, было бы извинительно для лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ византійскою нумизматикою или археологіею. Еще въ 1863 г. академикъ Стефани издалъ важную монографію о нимбѣ [1]), въ которой доказано, что этотъ аттрибутъ, заимствованный христіанской иконографіею отъ античнаго искусства, никакъ не имѣлъ первоначально значенія эмблемы святости, а выражалъ собою прежде всего лишь свѣтъ или блескъ, исходящій отъ изображаемаго божества, героя и вообще лица, а затѣмъ и просто его преимущественную важность, высокій санъ и, въ частности, царское величіе. „Въ Константинополѣ,—говоритъ Стефани,—нимбъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ обыкновенныхъ аттрибутовъ императорскаго достоинства не только для самихъ императоровъ, но и для императрицъ а впослѣдствіи и для сыновей императоровъ... Мы находимъ уже Константина Великаго, украшеннаго нимбомъ не только на монетахъ, но и въ мозаичныхъ произведеніяхъ, которыя еще видѣлъ Чіампини въ Латеранской церкви, въ Римѣ, и съ такимъ же украшеніемъ встрѣчается супруга императора Фауста на одномъ золотомъ медальонѣ. Сыновья же его, Константъ и Констанцій, являются съ нимбомъ на монетахъ, то оба вмѣстѣ, то одинъ послѣдній отдѣльно. Вѣроятно, и изображенія потерянной рукописи Перейска должны быть отнесены къ этимъ двумъ императорамъ, а младшій братъ ихъ, Константинъ, съ однимъ изъ нихъ изображенъ съ такимъ же украшеніемъ на одной монетѣ.

---

[1]) Л. Стефани. Нимбъ и лучезарный вѣнецъ въ произведеніяхъ древняго искусства. Приложеніе къ IV-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1863, 196 стр. и 5 листовъ рисунковъ.

Сюда же должны быть отнесены монеты, представляющія изображенія Магненція, Валентиніана I и Валента, отдѣльно или двухъ послѣднихъ вмѣстѣ. Ѳеодосія Великаго съ обоими его сыновьями мы видимъ на дискѣ, найденномъ въ новѣйшее время въ Испаніи, а вмѣстѣ съ однимъ изъ его сыновей, вѣроятно, Аркадіемъ, и, можетъ быть, вмѣстѣ съ Евгеніемъ мы встрѣчаемъ его на монетахъ. Аркадій является съ означеннымъ украшеніемъ на монетахъ какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то императоромъ, можетъ быть, Гоноріемъ. Затѣмъ слѣдуютъ монеты съ подобными-же изображеніями Ѳеодосія II и Валентиніана, Льва Старшаго и Майоріана, Льва Младшаго, отдѣльно или вмѣстѣ съ отцомъ его Зенономъ, Анастасія I, Юстина I и Юстиніана I или послѣдняго отдѣльно. Въ мозаичномъ же произведеніи въ церкви St. Vitale въ Римѣ съ нимбомъ является не только Юстиніанъ, но и супруга его Ѳеодора. Въ особенности при Юстинѣ II и супругѣ его Софіи мы постоянно встрѣчаемъ это украшеніе на монетахъ, выбитыхъ въ царствованіе поименованнаго императора. Точно также и Тиверій Константинъ вмѣстѣ со своею супругою Анастасіею изображенъ на одной монетѣ, а Флавій Тиверій Маврикій, вмѣстѣ со своею супругою Константиною—на многихъ. Далѣе мы находимъ этотъ аттрибутъ на одной монетѣ при Фокѣ и Леонтіи, на другой же видимъ его только при Леонтіи. Въ одной рукописи Григорія Назіанзина мы встрѣчаемъ это украшеніе при Евдокіи и ея обоихъ сыновьяхъ, Львѣ VI и Александрѣ, на одной монетѣ при Ѳеофанѣ, супругѣ Романа II, и на одномъ рельефѣ изъ слоновой кости при Романѣ IV и его супругѣ Евдокіи. Въ одной ватиканской рукописи мы встрѣчаемъ съ нимбомъ Алексѣя I Комнина, а въ другой—Іоанна II Комнина съ сыномъ его Алексѣемъ и Ѳеодора Ласкариса на двухъ большихъ золотыхъ монетахъ. Изъ Палеологовъ являются въ такомъ украшеніи Мануилъ II, какъ на монетахъ, отдѣльно или со своею супругою и сыномъ Іоанномъ, такъ и въ рукописи Діонисія Ареопагита вмѣстѣ съ супругою и сыновьями Іоанномъ и Ѳеодоромъ, между тѣмъ какъ младшій сынъ его Андроникъ представляется безъ означеннаго аттрибута. Наконецъ, изображеніе Іоанна VIII съ нимбомъ находится на двухъ серебряныхъ монетахъ...“ [1]).

Ограничиваюсь этой выдержкою изъ монографіи Стефани, отсылая интересующихся подробностями вопроса къ ней, но прибавлю отъ себя, что въ византійской нумизматикѣ нимбъ вокругъ головы цар-

---

[1]) Стефани, стр. 181—183.

ственныхъ особъ встрѣчается сплошь и рядомъ до начала VII вѣка, а затѣмъ лишь какъ рѣдкое исключеніе. Традиція была, однако, настолько сильна, что къ самому концу имперіи, при Палеологахъ, въ XIV и XV вѣкахъ этотъ аттрибутъ царскаго сана появляется на монетахъ вновь, какъ общее почти правило. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего особенно поразительнаго въ томъ фактѣ, что русскіе чеканщики изображали своего государя въ вѣнчикѣ. То обстоятельство, что этотъ аттрибутъ встрѣчается не на всѣхъ типахъ монетъ Владиміра, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что можно констатировать въ нумизматикѣ другихъ странъ и спеціально въ византійской, такъ какъ одинъ и тотъ же императоръ или вообще государь изображался на монетахъ то въ нимбѣ, то безъ него. Какъ на примѣры, укажу на англо-саксскія монеты VIII вѣка короля мерсійскаго Оффы или германскія XI вѣка, императора Генриха II, на которыхъ эти государи, повидимому, иногда изображались въ нимбѣ. Заняться подробнымъ разборомъ этого самого по себѣ интереснаго вопроса мнѣ кажется здѣсь излишнимъ, такъ какъ такой разборъ легко могъ бы достигнуть размѣровъ цѣлаго изслѣдованія, но считаю возможнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ возможно было бы объяснить появленіе или отсутствіе нимба вокругъ головы великаго князя Владиміра на штемпеляхъ отдѣльныхъ типовъ. Выше было уже указано, что I-й типъ сребренниковъ и златники являются наиболѣе близкими копіями съ современныхъ имъ византійскихъ монетъ, на которыхъ императоры изображены безъ нимбовъ; поэтому и на этихъ русскихъ монетахъ Владиміръ изображенъ безъ вѣнчика. Рѣзчики II-го типа, грубой работы, хотѣли, можетъ быть, восполнить свою неумѣлость въ изображеніи великаго князя воспроизведеніемъ лишняго символа власти и царственнаго величія, тѣмъ болѣе, что, за отсутствіемъ лика Христа на ихъ монетахъ, фигура государя является уже главенствующею; но при этомъ вѣнчикъ вокругъ головы великаго князя несомнѣнно отличенъ отъ вѣнца Спасителя. Мы видѣли, что рѣзчики III-го типа, ища образца для изображенія трона или престола, остановились на воспроизведеніи того престола, на которомъ изображался сидящимъ Спаситель на византійскихъ монетахъ; возможно, что изготовители этихъ штемпелей боялись, заимствовавъ уже одну особенность отъ Христова изображенія, помѣстить еще и такой аттрибутъ, который являлся не исключительнымъ символомъ царскаго величія, но также и символомъ святости, такъ что фигура государя могла легко, при неуклюжей техникѣ исполнителей, быть принята за изображеніе Спасителя, знакомое по византійскимъ монетамъ.

Ковачи IV-го типа не могли уже опасаться этого, а потому и вернулись къ изображенію нимба. Мнѣ нечего указывать серьезнымъ изслѣдователямъ, насколько всякія предположенія и объясненія, подобныя выставленнымъ мною, по необходимости шатки и неодинаково для всѣхъ убѣдительны, но привелъ ихъ лишь для того, чтобы указать лицамъ, требующимъ объясненія для всего, что кажется имъ на первый взглядъ совершенно непонятнымъ, что такія объясненія почти всегда возможны, хотя едва-ли, по моему убѣжденію, могутъ значительно подвинуть серьезное рѣшеніе вопросовъ. Думая, что фактъ изображенія однихъ и тѣхъ же, напримѣръ, византійскихъ императоровъ то съ нимбомъ, то безъ него вполнѣ достаточенъ для того, чтобы признать тотъ-же фактъ на русскихъ монетахъ естественнымъ, я постарался уяснить, какъ я лично себѣ его объясняю, не придавая, впрочемъ, этому объясненію большей цѣны, чѣмъ оно заслуживаетъ.

Послѣднее, на что я хотѣлъ обратить еще вниманіе, касается надписей на нашихъ монетахъ. Какъ извѣстно, на большинствѣ нашихъ монетъ, на лицевой сторонѣ, вокругъ изображенія великаго князя читается надпись: **владимиръ** (или **стополъкъ**) **на столѣ**. Надпись эта заслуживаетъ, по своей оригинальности, особаго вниманія. При разборѣ надписи лицевой стороны, бросается въ глаза, во-первыхъ, отсутствіе титула передъ именемъ великаго князя и, во-вторыхъ, выраженіе „на столѣ“, не имѣющаго аналогіи въ нумизматикѣ другихъ странъ. Какъ извѣстно, титулованіе играло важную роль въ Византіи, и на штемпеляхъ византійскихъ монетъ никогда не пропускались титулы: dominus noster, βασιλεὺς, δεσπότης, αὐγούστος. На средневѣковыхъ монетахъ другихъ странъ почти всегда имя государя сопровождается титуломъ: rex, dux, princeps и т. п., на южнославянскихъ монетахъ постоянно встрѣчаемъ титулы: „царь, деспотъ, краль, rex, banus“. Наконецъ, на русскихъ монетахъ, начиная съ XIV вѣка, имена сопровождаются титуломъ: „великій князь, князь, а позже господарь, царь и великій князь“. Тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе та особенность описанныхъ мною древнѣйшихъ русскихъ монетъ, что на нихъ никакого титула не встрѣчается. Этотъ странный и характерный для нашихъ монетъ пропускъ объясняется, по моему мнѣнію, прибавкою къ имени словъ: „на столѣ“; это выраженіе — общеупотребительное въ нашихъ лѣтописяхъ и постоянно связывается съ понятіемъ о княжеской власти: выраженія „сѣде на столѣ“, „сѣде тамъ-то“, „сѣдитъ тотъ-то“, „посади гдѣ-нибудь“ равнозначущи понятіямъ: началъ княжить, княжитъ, былъ назначенъ кня-

земъ [1]). Такимъ образомъ, слова „на столѣ", вычеканенныя на нашихъ монетахъ, равнозначущи понятію: тотъ, который княжитъ; слѣдовательно, надпись: „Владиміръ или Святополкъ на столѣ" точно соотвѣтствуетъ словамъ: „Владиміръ или Святополкъ, который княжитъ", подобно тому, какъ въ наше время употребительно выраженіе относительно государя: „нынѣ благополучно царствующій"; прибавлять тутъ къ имени титулъ „великій князь" было бы тавтологіею, казавшеюся, повидимому, совершенно излишнею. Соотвѣтственно прямому смыслу надписи, какъ мною указано выше, великій князь на всѣхъ штемпеляхъ представленъ сидящимъ на престолѣ, или, вѣрнѣе, по тогдашней терминологіи, на столѣ.

Упомянутое выраженіе, въ связи съ изображеніями на монетахъ, несомнѣнно указываетъ на важное значеніе, придававшееся въ древней Руси княжескому престолу и этимъ значеніемъ, въ свою очередь, объясняется крупное отступленіе отъ византійскихъ прототиповъ, состоящее въ томъ, что на нашихъ монетахъ великій князь изображается сидящимъ, какъ на византійскихъ монетахъ изображался не императоръ, а Спаситель или Богородица [2]).

Этимъ я считаю возможнымъ пока ограничить свои дополненія къ первоначальному моему труду, и перехожу ко второй части настоящихъ замѣтокъ, посвященной разсмотрѣнію статей г. Чернева, старавшагося установить совершенно новую теорію относительно занимающаго насъ нумизматическаго матеріала.

Въ моемъ изслѣдованіи о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ великаго княжества Кіевскаго мною было выставлено четыре положенія, въ видѣ вывода изъ всего моего труда:

1) Что разобранныя мною монеты—русскія.

---

[1]) См. Первонач. лѣтоп.: подъ 970 г.: «Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ Деревѣхъ»; подъ 980 г.: «Сѣде Володимиръ въ Новѣгородѣ»; подъ 1015 г.: «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемъ»; «рѣша Борису дружина отня: се дружина у тобе отьня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни». «Святополкъ сѣдитъ Кыевѣ»; подъ 1016 г.: «Ярославъ сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни»; подъ 1024 г.: «Мьстиславъ шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ»; подъ 1025 г.: «и сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ...»; подъ 1036 г.: «Иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ»; подъ 1044 г.: «Всеславъ, сынъ Брячиславль, сѣде на столѣ его» и мн. др. мѣста.

[2]) Въ подтвержденіе значенія престола въ древней Руси можно было бы привести извѣстіе Ибнъ Фодлана о томъ, что русскій князь сходилъ съ престола лишь для выѣздовъ и что даже тогда коня подводили къ самому трону (см. Гаркави: «Сказаніе мусульм. писателей о славянахъ и руссахъ», стр. 101), еслибъ можно было вполнѣ полагаться на извѣстія арабскихъ писателей, часто смѣшивавшихъ извѣстія о самыхъ различныхъ личностяхъ и народахъ, и вообще склонныхъ къ риторическимъ преувеличиваніямъ.

2) Что онѣ принадлежатъ кіевскимъ великимъ князьямъ: Владиміру святому, Святополку I и Ярославу Мудрому.

3) Что это—монетные знаки, а не медали; и

4) Что на нихъ замѣтно вліяніе византійскаго искусства, хотя онѣ чеканены, вѣроятно, русскими мастерами, кромѣ, можетъ быть, „Ярославля сребра“.

Г. Черневъ призналъ 3 изъ этихъ положеній почему-то „блистательно“ доказанными мною, но относительно одного, именно 2-го, нашелъ, что оно *должно быть* подвергнуто строгой критической провѣркѣ. Къ сожалѣнію, г. Черневъ не объясняетъ, почему онъ считаетъ три положенія блистательно доказанными, но зато оказывается, что оспариваемое имъ положеніе, хотя и „невольно подкупаетъ въ свою пользу своею стройностью и логичностью построенія“, въ сущности никуда не годится, ибо построено на предвзятомъ убѣжденіи, къ которому пригонялись затѣмъ факты. При этомъ, обращая вниманіе на мое категорическое заявленіе, что установленная мною классификація монетъ великаго княжества Кіевскаго есть *единственно возможная* въ настоящее время классификація, какъ построенная на положительныхъ (т.-е. провѣренныхъ и доказанныхъ) фактахъ, г. Черневъ докторально, но едва-ли убѣдительно, говоритъ, что „только имѣя въ рукахъ *весь* (курсивъ подлинн.) матеріалъ, относящійся къ тому или другому научному вопросу, можно думать о безусловно вѣрныхъ выводахъ“. Установивъ такое крайне неудобное для изслѣдователей въ любой отрасли человѣческаго знанія положеніе, которымъ онъ, между прочимъ, лишаетъ почвы и свое собственное изслѣдованіе, такъ какъ вѣдь и у него въ рукахъ не былъ *весь* матеріалъ, г. Черневъ упрекаетъ меня (и вмѣстѣ со мною и перваго классификатора нашихъ монетъ, Волошинскаго) въ слѣдующемъ:

a) Я не обратилъ вниманія на то, что Нѣжинскіе (т.-е. найденные въ кладѣ близъ г. Нѣжина) „сребренники“ *рѣзко* отличаются отъ другихъ родовъ монетъ, приписываемыхъ великому княжеству Кіевскому; b) при чтеніи надписей я вынужденъ былъ прибѣгать къ разнымъ опущеніямъ и дополненіямъ, чтобы читать на нихъ тѣ именнó имена, какія были мнѣ нужны; c) я оставилъ въ сторонѣ (sic) то обстоятельство, что имена, прочтенныя мною на нѣжинскихъ „сребренникахъ“, вовсе не были исключительно свойственны великимъ князьямъ Кіевскимъ, а могли принадлежать другимъ современнымъ (кому или чему?) князьямъ; d) не обратилъ вниманія и на мѣсто находки нѣжинскаго клада, а это (sic) приводитъ къ интереснымъ выводамъ.

Каждый, прочитавшій статью г. Чернева, послѣ указанныхъ мною строкъ долженъ былъ искать блестящаго опроверженія всей моей классификаціи, а въ крайнемъ случаѣ, тщательнаго со стороны г. Чернева старанія избѣгать погрѣшностей, въ которыхъ онъ меня упрекаетъ. Я, съ своей стороны, крайне былъ удивленъ тѣмъ, что онъ, однако, никакой новой классификаціи не предложилъ, придерживаясь, „ради практическаго удобства", цѣликомъ моей классификаціи. Затѣмъ оставалось предположить, что, во-первыхъ, г. Черневъ нигдѣ не допустилъ погрѣшностей, подобныхъ тѣмъ, въ какихъ онъ меня упрекаетъ, и что, во-вторыхъ, такая безупречность его изслѣдованія привела къ важнымъ или, по крайней мѣрѣ, интереснымъ результатамъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, ни того, ни другого сказать о статьѣ г. Чернева нельзя. Начиная съ разбора моего II-го типа Владиміровыхъ сребренниковъ, онъ еще старается относиться съ крайнимъ педантизмомъ къ надписямъ, довольно оригинально высчитывая относительно каждой буквы, сколько разъ она повторяется въ томъ или другомъ очертаніи и отдавая предпочтеніе тому изъ нихъ, которое чаще встрѣчается [1]). Благодаря такому практичному способу чтенія, г. Черневъ получаетъ прелестную по *полной* безсмысленности надпись **влниітрасрл +**, передъ которой самъ останавливается въ недоумѣніи, объявляя ее абсолютно необъяснимою. Къ несчастію для него, и къ счастію для моей классификаціи, г. Черневъ, однако, скоро отказывается отъ своего статистическаго метода возстановленія надписей и, великодушно „предоставляя разъясненіе" II-го типа какому-то „счастливому случаю" [2]), признаетъ, что надписи на III-мъ и IV-мъ типахъ прочтены мною вѣрно. Тутъ г. Черневъ уже позволяетъ себѣ совершенныя вольности, высказывая, напримѣръ, мнѣніе, что какое-то „оригинальное слово (**о**)**лта**, ожидающее своего разъясненія...", найденное имъ на двухъ монетахъ IV-го типа, „представляетъ собою окончаніе слова (ст)олѣ и слѣдующее за нимъ а". Но что было для меня еще неожиданнѣе всего предшествовавшаго—это объясненіе г. Чернева относительно монеты IV-го типа съ надписью на оборотной сторонѣ **сѵвятаго васила**. Относительно этого штемпеля я поступилъ въ свое время какъ

1) Такъ, шестая буква въ надписи лицевой стороны, по его увѣренію, на 8 экземплярахъ имѣетъ видъ М, а на 9—видна-де буква *т* въ разныхъ очертаніяхъ (sic), а посему «явствуетъ, что едва-ли не больше шансовъ принять ее за *т*».

2) Счастливый случай, вѣроятно, рисуется въ воображеніи г. Чернева въ видѣ находки, положимъ, 16 экземпляровъ монетъ II-го типа, на девяти изъ коихъ, примѣрно, 6-я буква имѣла бы видъ М, а на семи *т*: тогда вопросъ до новаго «счастливаго случая» будетъ считаться рѣшеннымъ въ пользу буквы *м*.

разъ по рецепту г. Чернева, отказавшись объяснить значеніе нѣкоторыхъ буквъ. На этотъ разъ я оказался, по его мнѣнію, опять не правъ, такъ какъ надписи-де читаются ясно и объяснены вѣрно Д. И. Прозоровскимъ. Категорически утверждая, что надписи на этомъ штемпелѣ читаются:

на лиц. ст. ✠ владимиресере,

а на об. ст. ✠ съватаго василаего, г. Черневъ говоритъ, что „трудно найти болѣе простое и естественное объясненіе", чѣмъ слѣдующее: владимире—форма, соотвѣтствующая-де слову ярославле, т.-е. прилагательное, производное отъ имени собственнаго Владиміръ (?), а буквы сере—суть начало слова серебро, конецъ коего перенесенъ на об. ст., такъ какъ знаки его, помѣщенныя *въ концѣ* надписи оборотной стороны, должны-де соотвѣтствовать буквамъ бро. Тутъ же г. Черневъ, находя прочитанную мною форму слова ѕватаго неправильною, признаетъ таковою, т.-е. правильною, слѣдуя объясненію Д. И. Прозоровскаго, форму Съвятаго, на томъ основаніи, что слово съребро пишется черезъ ъ послѣ с!!..

Я думаю, что сказаннаго достаточно, чтобы избавить меня отъ труда опровергать г. Чернева, тѣмъ болѣе, что отмѣченныхъ мною при чтеніи его изслѣдованія промаховъ и невѣрныхъ пріемовъ оказалось столько, что мнѣ пришлось бы написать почти столько же, сколько и онъ самъ, еслибъ я хотѣлъ на нихъ указать и разобрать ихъ. Я не въ правѣ утруждать такимъ разборомъ читателя, но мнѣ кажется интереснымъ указать на то открытіе, которое побудило г. Чернева писать о предметѣ, далеко недостаточно имъ изученномъ до опубликованія его статьи. Открытіе это касается монетъ, приписанныхъ мною Ярославу Владиміровичу, I-го и II-го типа. Ради именно этого мнимаго открытія понадобилось и обвинить меня въ неправильныхъ пріемахъ и заподозрить всю классификацію древнѣйшихъ русскихъ монетъ, и перерѣшать вопросы, уже рѣшенные. Поэтому я считаю долгомъ, хотя бы вкратцѣ, коснуться этого „открытія" и дать ему должную оцѣнку.

На монетахъ Нѣжинскаго клада, приписанныхъ мною Ярославу, находятся надписи, о которыхъ я въ своемъ трудѣ сказалъ буквально слѣдующее: „мы также, какъ г. Волошинскій, думаемъ, что на монетахъ нѣсколько разъ повторено имя Георгія, но считаемъ преждевременнымъ систематическій разборъ надписей..." и т. д. Г. Черневъ возражаетъ на это чрезвычайно рѣшительно и безапелляціонно: „по нашему мнѣнію, въ надписяхъ на сребренникахъ, приписываемыхъ Ярославу, нѣтъ никакой возможности прочесть имя Георгія безъ силь-

ныхъ натяжекъ, да и нѣтъ въ томъ необходимости, ибо на нихъ легко и ясно читается другое имя—Петръ". На монетѣ I типа надписи:

Т Э

є о

ІТq ІЈ

о є

с ȷ прочтены мною гєгі (гі слитно) ос повторенное дважды или— эти буквы налѣво, а направо: гєр-гіос. Г. Черневъ, находя, что „гєгіос является весьма странною формою общеизвѣстнаго и распространеннаго имени Георгій, и что для того, чтобы прочесть даже и эту исковерканную форму, гр. Толстому приходится дѣлать цѣлый рядъ натяжекъ, отнюдь не вызываемыхъ необходимостью", предлагаетъ себѣ „попробовать прочесть эту надпись попроще". Результатомъ этой попытки является чтеніе: пєтрос налѣво и пєтос—направо, т.-е. дважды повторенное имя Петръ по-гречески. Тутъ явилось для г. Чернева маленькое затрудненіе: удивляясь моей „исковерканной" формѣ гєргіос или гєгіос, онъ самъ получилъ не менѣе оригинальную: пєтос! Чтобъ выпутаться изъ затрудненія, г. Черневъ довольно-таки произвольно говоритъ: „допуская, что третій знакъ (съ правой стороны) есть вязь т + р (а на это нужно не больше натяжки, чѣмъ видѣть въ ней вязь г + і), мы прямо получаемъ то же имя пєтрос". Но что скажетъ читатель, если узнаетъ, что „цѣлый рядъ натяжекъ", который, по увѣренію г. Чернева, пришлось мнѣ „дѣлать", заключается именно въ томъ, что я принялъ третій знакъ за вязь или монограмму г+і [1])? Если г. Черневъ признавалъ такую „натяжку" допустимою для себя, а слѣдовательно и для меня, то весь центръ тяжести для рѣшенія вопроса заключается въ уразумѣніи истиннаго смысла первой буквы Т: есть-ли это п или перевернутое г? Если эта буква—п, то надпись слѣдуетъ читать пєтрос или пєтос, если—г, то гєргіос или гєгіос. Для рѣшенія вопроса о значеніи надписи лицевой стороны, я принялъ въ соображеніе надпись оборотной. Хотя она плохо сохранилась, но вполнѣ отчетливо видна первая ея часть: о

г

є

о

р, относительно второй можно лишь догадываться, что она состояла изъ буквъ гіос (изъ нихъ отчетливо видна лишь буква о). Г. Чер-

[1]) Знакъ этотъ вполнѣ тождественъ въ обѣихъ надписяхъ (правой и лѣвой) этой стороны монеты.

нсву такое чтеніе показалось, понятно, крайне невыгоднымъ для его открытія и вотъ какъ онъ старается побѣдить встрѣченное препятствіе: „отказываясь—говоритъ онъ—отъ истолкованія надписей на оборотной сторонѣ, отъ которыхъ уцѣлѣло лишь: слѣва О П, справа * О, мы находимъ, что въ настоящее время истолкованіе это, на основаніи единственной, дошедшей до насъ, монеты этого типа, является совершенно невозможнымъ“. Не имѣя лично никакого желанія препираться относительно того, что возможно или невозможно рѣшать на основаніи единственнаго экземпляра, замѣчу только, что первая буква на лицевой сторонѣ ꓶ есть перевернутое г, а не п или какая-либо другая буква, какъ бы затѣмъ остальную часть надписи ни читали. Поэтому пока я не вижу *никакой* нужды отступать отъ первоначально установленнаго мною чтенія.

Относительно II-го типа г. Черневъ не отступилъ отъ своихъ излюбленныхъ пріемовъ. Я нашелъ возможнымъ, хотя и не безъ оговорокъ, прочесть надпись:

	*
і	г
г	э
н	ꙋ
р	ч

такъ:

	*
І	Г
Г	Е
И	Ꙋ
Ь	Р

= Геюрьигі, признавая это за искаженіе имени Георгій; г. Черневъ читалъ буквы нѣсколько иначе и говоритъ: „такимъ образомъ, вся надпись получаетъ видъ пэтлр или пэтьр, т.-е. нѣчто весьма близко подходящее къ петрос...“ „Лѣвая надпись читается сверху внизъ, а не наоборотъ, и заключаетъ въ себѣ слово ітнр, смыслъ котораго для насъ не вполнѣ (?) ясенъ. Гр. Толстой читаетъ эту надпись не ітнр, а принимая по обыкновенію (?) т за г—ігнр. Слово, полученное гр. Толстымъ, очень близко подходитъ къ имени „Игорь“ и, можетъ быть, и заключаетъ въ себѣ это имя въ древней его формѣ (?), не совсѣмъ правильно (?) вырѣзанное“. Заключеніе г. Чернева относительно этихъ монетъ состоитъ въ томъ, что „ни на одной монетѣ, изъ числа приписываемыхъ Ярославу Мудрому, мы не можемъ, не искажая надписей, прочесть что-либо, похожее на Георгій или Юрій. Но за то на нихъ ясно и естественно (?) читается имя Петръ въ греческой или древне-русской (?) формѣ“. Такою *древне-русскою* формою имени Петръ г. Черневъ почему-то считаетъ форму „Петьрь“ или

„Петарь“! Рѣшительно отказываясь возражать здѣсь, по понятнымъ причинамъ, г. Черневу, считаю лишь нужнымъ указать относительно этихъ монетъ на сказанное мною въ моемъ первоначальномъ трудѣ— „думаемъ, что на монетахъ нѣсколько разъ повторено искаженное имя Георгія, но считаемъ преждевременнымъ систематическій разборъ надписей: для этого нужно большее количество удовлетворительныхъ экземпляровъ...“ (стр. 60). Сдѣлавъ свое „открытіе“ и надлежащимъ образомъ утвердившись въ мысли о несомнѣнности его, г. Черневъ не остановился на полпути и сталъ искать, кому бы пріурочить новоявленныя „Петровскія“ монеты. Тутъ явилось серьезное затрудненіе въ видѣ точно опредѣленнаго мною, а также и другими нумизматами, времени, къ которому должны быть отнесены монеты: русскіе великіе князья начала XI вѣка хорошо намъ извѣстны по именамъ, между которыми имени Петра не встрѣчается. Чтобы выйти изъ затрудненія, г. Черневъ поступаетъ удивительно просто: во-первыхъ, онъ самоувѣренно отрицаетъ значеніе кладовъ при опредѣленіи времени чеканки неизвѣстныхъ дотолѣ монетъ, входящихъ въ ихъ составъ; во-вторыхъ, столь-же самоувѣренно рѣшаетъ, что выводы можно дѣлать изъ „подробнаго изслѣдованія мѣста находки“ кладовъ, вспомнивъ о томъ обстоятельствѣ, что самый большой кладъ нашихъ монетъ найденъ не въ самомъ Кіевѣ. Найдя затѣмъ въ лѣтописи извѣстіе о черниговскомъ городкѣ Унѣнѣжѣ или Уневѣжѣ, разрушенномъ въ 1147 г., мѣстоположеніе котораго хотя достовѣрно и неизвѣстно, но который можетъ быть сближенъ съ позднѣйшимъ Нѣжиномъ, конечно, г. Черневъ находитъ, что „всѣ обстоятельства какъ-то невольно (?) складываются въ пользу предположенія...“, что „нѣжинскій кладъ зарытъ въ землю въ грозную и тяжелую для Давыдовичей годину...“ Нѣсколькими строками ниже „является новое предположеніе—не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ монетами князей Черниговскихъ XI—XII вв.?“ и заключеніе: „если-де мы сопоставимъ теперь это предположеніе (о закопкѣ клада во время разрушенія Унѣнѣжа) съ тѣмъ фактомъ, что большинство (?) монетъ въ нѣжинскомъ кладѣ носятъ имя Владиміра и что Черниговскимъ княземъ во время разрушенія Унѣнѣжа (въ 1147 г.) былъ Владиміръ Давыдовичъ, то въ нашихъ глазахъ предположеніе о томъ, что мы въ лицѣ нѣжинскихъ „сребренниковъ“ имѣемъ дѣло съ монетами князей Черниговскихъ, пріобрѣтаетъ силу увѣренности!..“ Вотъ какъ просто разрѣшается все дѣло! Г. Черневъ нашелъ, что добрая половина монетъ неопредѣлима по надписямъ; если согласиться со мною, что онѣ относятся къ X и началу XI вѣка, то пришлось бы со мною-же признать, что на нихъ стоятъ искаженныя имена Владиміра Святаго, Свя-

тополка и, вѣроятно, Ярослава—Георгія, такъ какъ другихъ именъ въ русской исторіи этого времени нельзя и пріурочить къ монетамъ. Отнеся ихъ къ XII в. (почему же не къ XIII или XIV?) и пріурочивъ къ Черниговскому княжеству, открывалась возможность: во-1-хъ, объявить, что „прочія (кромѣ Владиміровыхъ) монеты нѣжинскаго клада принадлежатъ предшественникамъ Владиміра Давыдовича, но какія кому именно—можно будетъ сказать лишь тогда, когда будутъ правильно прочтены и объяснены находящіяся на нихъ надписи...“, и, во-вторыхъ, что „имя Петръ, читающееся (?) на монетахъ... есть, очевидно (!), христіанское имя князя, чеканившаго эти сребренники, но каково было его свѣтское, мірское имя—мы не можемъ указать даже съ приблизительною (?) степенью точности...“, благо относительно двойныхъ именъ Черниговскихъ князей намъ ничего неизвѣстно.

Думаю, что сказаннаго достаточно для того, чтобы дать понятіе о научныхъ пріемахъ г. Чернева, съ одной стороны, а съ другой—для того, чтобы избавить меня отъ неблагодарнаго труда дальнѣйшаго разбора его теорій, которымъ онъ пытается дать дальнѣйшее, болѣе оригинальное, чѣмъ научное, развитіе въ издаваемомъ имъ совмѣстно съ г. Леопардовымъ сборникѣ. Могу лишь здѣсь заявить печатно, что, допуская, конечно, возможность всяческихъ съ моей стороны ошибокъ при разработкѣ вопроса о монетахъ, признаваемыхъ мною древнѣйшими русскими чеканными знаками, я рѣшительно не согласенъ ни съ однимъ предположеніемъ г. Чернева, такъ какъ онъ стоитъ, очевидно, на абсолютно невѣрномъ пути, отъ слѣдованія по которому считаю долгомъ предостеречь всякаго, желающаго заняться разработкою нумизматическихъ вопросовъ: по его методу, можно вывести все, что угодно и какъ угодно.

Со времени выхода въ свѣтъ моей книги „О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ вел. кн. Кіевскаго“ мною пріобрѣтено нѣсколько интересныхъ экземпляровъ, опубликованіе которыхъ я считаю своевременнымъ. Пользуясь случаемъ, присоединяю къ нимъ нѣсколько уже изданныхъ, въ виду того, что имѣю возможность представить ихъ здѣсь въ лучшихъ снимкахъ, а также и три, хотя непринадлежащихъ мнѣ, но неизданныхъ и любопытныхъ экземпляра.

Златники Владиміра Святого.

1. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя впрямь, во весь ростъ; на головѣ царскій вѣнецъ съ „препендуліями", въ правой рукѣ жезлъ съ крестомъ; надъ лѣвымъ плечомъ родовой знакъ. Круговая надпись начинается, отъ зрителя, налѣво внизу (какъ обыкновенно на всѣхъ вообще монетахъ), но буквы повернуты основаніемъ не къ фигурѣ, но къ ободку; такимъ образомъ, она читается не слѣва направо, а наоборотъ:

Об. ст. Погрудное изображеніе Христа съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и въ кресчатомъ нимбѣ. Круговая надпись, расположенная такъ-же, какъ и надпись лицевой стороны:

Вѣсъ 93 доли (= Gr. 4,13).

Экземпляръ находится въ собраніи Е. И. Выс. вел. кн. Георгія Михаиловича.

Изобр. на т. I, подъ № 1.

2. *Лиц. ст.* Подобна предъидущей. Надпись:

Об. ст. Подобна предыдущей. Надпись:

Вѣсъ 1 зол. 3 доли (= Gr. 4,4).

Экземпляръ находится въ моемъ собраніи. Пріобрѣтенъ покупкою въ г. Одессѣ.

Изобр. на т. I, подъ № 2.

Изъ четырехъ варіантовъ золотыхъ монетъ, описанныхъ мною въ 1882 г., на трехъ имя великаго князя искажено: на одномъ стоитъ **вдамирХ на стодь**, или, можетъ быть, вѣрнѣе: **вдмирХ на столь**; на другомъ стоитъ: **вламиръ на столь**; на третьемъ варіантѣ имя стерлось, но судя по разстоянію между сохранившимися буквами **в** и **м**, въ имени несомнѣнно пропущены были буквы; на четвертомъ варіантѣ надпись **вланимир а се є ꙁлато**; если принять первое **н** за искаженное **д**, то на этомъ варіантѣ оказывается пропущенною въ имени лишь одна буква— конечное **ъ**. На описанномъ здѣсь подъ № 2 экземплярѣ имя имѣетъ

такую форму: *Вдмиръ* или *Влмиръ*, т.-е. пропущены въ первой части имени три буквы (вмѣсто Влади—Вд или Вл).

На оборотной сторонѣ надписи соотвѣтствуютъ находящейся на описанной въ моемъ трудѣ подъ № 1 монетѣ: *Iсусъ Христисъ* (*и* вмѣсто *о*).

Сребренники Владиміра Святого, I-го типа

3. *Лиц. ст.* Подобна лицевой ст. златника. Круговая надпись:

ВѢЧАНМНРЪ НАСТОНЪ

Об. ст. Подобна оборотной сторонѣ золотыхъ. Надпись:

+ТС...С...РНСТ...Ъ

Вѣсъ 74 доли (= Gr. 3,29).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г. Изобр. на т. I, подъ № 3.

4. *Лиц. ст.* Подобна предъидущ. Надпись:

НМГН ЬСТОЛЪ·

Об. ст. Подобна предъидущ. Надпись:

ХРНСТС

Вѣсъ 63 доли (= Gr. 2,8), плохой сохранности.

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г. Изобр. на т. I, подъ № 4.

5. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ. Надпись:

ВЛЧАНМНР ЪНРС

Об. ст. Подобна предъидущ. Надпись:

×ıı СЧТОХ УН..СЪ

Вѣсъ 55 долей (= Gr. 2,45), обломанъ.

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г. Изобр. на т. I, подъ № 5.

6. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ, но болѣе энергичной работы, Надпись:

+ВЛАДНМНР ЪНРСТОЛЪ

Об. ст. Подобна предъидущимъ, но ликъ Спасителя грубѣе. Надпись:

ˈˈСУˈПОЗ ИIICТСЭ

Вѣсъ 62 доли (= Gr. 2,75), обломанъ, но хорошей сохранности.

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. I, подъ № 6.

7. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ. Надпись:

+ВЛАVНИМНР НАСЖОЛЕ

Об. ст. Ликъ Спасителя, по бокамъ буквы ІС ХС.

Экземпляръ въ собраніи Леопардова. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. I, подъ № 7.

8. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ. Надпись, начинается, отъ зрителя, справа внизу, причемъ всѣ буквы повернуты основаніемъ къ ободку монеты:

ЕМАНМНРО АС ЕЕПО

Об. ст. Изображеніе Спасителя; по сторонамъ НС ХС.

Вѣсъ 72 доли (= Gr. 3,2).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. I, подъ № 8.

9. *Лиц. ст.* Подобна предъидущей. Надпись начинается тоже справа внизу:

ОМАНИН АІСЕЕЦО

Об. ст. Подобна предъидущей.

Вѣсъ 49 долей (= Gr. 2,18).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. I, подъ № 9.

10. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ. Надпись начинается справа, но большинство буквъ повернуто основаніемъ къ центру штемпеля. Такимъ образомъ, она имѣетъ слѣдующій видъ:

ЭОЭЭС Р РН МНАЧЕ

Об. ст. Подобна предъидущимъ.

Вѣсъ 71 доля (= Gr. 3,15).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ Кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. I, подъ № 10.

Большинство сребренниковъ Владиміра Святого I-го типа происходитъ изъ значительнаго клада, найденнаго въ Кіевѣ. Ко времени изданія моей книги о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ ихъ было извѣстно до 17 экземпляровъ, происходящихъ изъ кіевскаго клада. По сообщеннымъ мнѣ тогда свѣдѣніямъ, находка была сдѣлана въ 1877 году. Нынѣ г. Черневъ установилъ точнѣе годъ находки: по его словамъ, она относится къ 1876 году и монетъ въ кладѣ было, будто, до 120 экземпляровъ; изъ списка, составленнаго имъ же, слѣдуетъ вывести, что навѣрно сохранилось изъ нихъ до 55 экземпляровъ, теперешнее мѣсто нахожденія которыхъ извѣстно. Кромѣ сребренниковъ I-го типа, найденныхъ въ Кіевѣ въ 1876 г., извѣстны пока еще слѣдующіе экземпляры:

1) Одна монета, находившаяся въ собраніи графа С. Г. Строгонова съ 1860 г., мѣсто находки которой неизвѣстно.

2) Четыре экземпляра, найденные гр. А. С. Уваровымъ при раскопкѣ кургановъ въ Быковскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, вмѣстѣ съ куфической монетой (куфич. монеты обращались въ Россіи, какъ извѣстно, только до XI в., къ каковому времени притокъ ихъ прекратился), бронзовыми серьгами, стеклянымъ браслетомъ и т. д.

3) Кусочекъ монеты, найденный въ кладѣ, отрытомъ въ Псковской губ., близъ дер. Молоди и разобранномъ Ю. Б. Иверсеномъ въ 1880 г. Значительнѣйшую часть клада составляли восточныя монеты X вѣка. Западныхъ монетъ не было ни одной цѣлой, но ломанныхъ и разрѣзанныхъ было много; главную ихъ часть составляли англо-саксонскія монеты Этельреда (978—1016 г.), но не было ни одной его преемника Канута. Изъ нѣмецкихъ—преимущественно обломки монетъ Оттона III (983—1002 г.), обломокъ монеты Болеслава Чешскаго (967—999 г.), обломки византійскихъ монетъ Іоанна Цимисхія (969—976 г.) и зятевей Владиміра—Василія и Константина. Во всемъ кладѣ не было найдено ни одной монеты, которую можно было бы отнести ко времени болѣе позднему, чѣмъ первая четверть XI в. Отсутствіе монетъ Канута дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что кладъ зарытъ не позже 1016—17 г.

Благодаря двумъ послѣднимъ находкамъ, является возможность опредѣлить приблизительное время чеканки монетъ I-го типа: судя по монетамъ, найденнымъ вмѣстѣ съ ними, и по условіямъ ихъ нахожденія, онѣ должны быть отнесены ко времени не позже начала XI в. и не ранѣе X в. Въ моемъ собраніи находится замѣчательный экземпляръ, описанный въ моемъ трудѣ подъ № 38, монеты I-го типа, на которомъ отчеканены штемпеля II-го типа. Этотъ экземпляръ ясно доказываетъ, что сребренники I-го типа старше монетъ II-го типа, а такъ какъ по другому пе-

речеканенному экземпляру установленъ фактъ старшинства II-го типа передъ III-мъ, то I типъ слѣдуетъ считать, во всякомъ случаѣ, старше и этого типа. Въ свою очередь время чеканки II-го и III-го типовъ несомнѣнно относится къ началу XI в., какъ это удалось опредѣлить по другимъ кладамъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Г. Черневъ утверждаетъ, что видѣлъ на нѣсколькихъ экземплярахъ монетъ I-го типа слѣды перечеканки [1]), но не указалъ опредѣленно, гдѣ именно онъ ихъ нашелъ, почему его увѣреніе и не поддается пока провѣркѣ. Въ моемъ значительномъ собраніи такихъ экземпляровъ (за исключеніемъ указаннаго выше) нѣтъ.

Изображенія на монетахъ I-го типа, конечно, однородны между собою, почему эти монеты и соединены мною въ одну группу, одинъ типъ; надписи на нихъ, напротивъ, разнообразныя. На лицевой сторонѣ встрѣчаемся прежде всего съ надписью: **владнмнръ на столѣ.** Въ ней бываютъ иногда ошибки или, вѣрнѣе, пропуски буквъ: такъ, на описанномъ мною выше подъ № 4 штемпелѣ пропущено въ имени второе **н**, на штемпелѣ, описанномъ подъ № 7, пропущено въ имени конечное **ъ** и въ концѣ слова **столє** буква **ѣ** ошибочно замѣнена **є**. Кромѣ указанной надписи находимъ на лицевой сторонѣ I-го типа и другую: **владнмнръ а сє єго срєбро.** Эта надпись встрѣчается въ неискаженномъ видѣ рѣдко: на большинствѣ извѣстныхъ штемпелей она бываетъ обыкновенно сильно искажена, особенно во второй части. Какъ на примѣръ искаженія имени великаго князя укажу на описанный здѣсь подъ № 10 штемпель, на которомъ оно имѣетъ слѣдующую форму: **вланмнр.** Вторая часть надписи, вмѣсто **а сє єго срєбро** является въ такихъ видахъ: **є сє єго с, а сє єго, а сє єо с.**

Надписи оборотной стороны можно раздѣлить тоже на двѣ группы: первую составляютъ круговыя съ начертаніемъ полнаго имени Іисуса Христа, вторую—представляющія обычное сокращеніе этого имени изъ четырехъ буквъ. Полная надпись встрѣчается на тѣхъ экземплярахъ, гдѣ на лиц. ст. читаемъ **владнмнръ на столѣ.** Первая часть имени Спасителя является въ слѣдующихъ формахъ: **ї҆сѹсъ, нсѹсъ, ї҆сѹъ;** вторая: **хрнстосъ, хрнстнсъ, хрнстсъ** и, кажется, **хръстосъ.**

Сокращенная надпись встрѣчается въ двухъ видахъ: **н҃с х҃с** и **і҃с х҃с.**

Какъ было выше указано, г. Черневъ относительно экземпляровъ съ сокращенною надписью на оборотѣ утверждаетъ, что „на всѣхъ мало-

---

[1]) Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, вып. 3 и 4 (Кіевъ, 1891), стр. 11.

мальски хорошо сохранившихся экземплярахъ этого типа, въ особенности на об. ст., на мѣстахъ, свободныхъ отъ изображеній и надписей, замѣтны болѣе или менѣе ясные слѣды перечеканки. На нѣкоторыхъ экземплярахъ слѣды эти едва примѣтны, а на другихъ [1]) удавалось прочитывать по нѣскольку буквъ, которыя не оставляли сомнѣнія въ томъ, что монеты этой категоріи перечеканены изъ монетъ, имѣвшихъ полное имя Іисуса Христа на об. ст....“ Я не нашелъ бы ничего удивительнаго въ существованіи перечеканенныхъ экземпляровъ, но долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что ни на одномъ изъ имѣющихся у меня или изъ бывшихъ у *меня* въ рукахъ экземпляровъ указанныхъ г. Черневымъ слѣдовъ перечеканки я не могъ открыть, при всемъ стараніи.

Сребренники Владиміра Святого, II-го типа.

11. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя впрямь, въ вѣнчикѣ; въ правой рукѣ жезлъ съ крестомъ. Круговая надпись:

ҌЛ II ПНСРЛ

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

ПССП РСР ВРО

Вѣсъ. 53 доли (=Gr. 2,36).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ нѣжинскаго клада.

Изображ. на т. I, подъ № 12.

12. Подобна предъидущей. Круговыя надписи:

Лиц. ст.

ҌЛ II IIТРЧЄРЛ

Об. ст.

ТЄЄП РСР ВҌТО

Вѣсъ 54 доли (=Gr. 2,40).

Экземпляръ въ собраніи Е. И. В. Великаго Князя Георгія Михайловича. Изъ нѣжинскаго клада.

Изображ. на т. II, подъ №

---

[1]) Жаль, что г. Черневъ не указываетъ, на какихъ именно.

13. Подобн. предъидущимъ. Круговыя надписи:
Лиц. ст.

А Н ИМРАСРЛ

Об. ст.

АСЕЕ [illegible] РЬ

Вѣсъ 58 долей (= Gr. 2,58).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ нѣжинскаго клада.

Изображ. на т. II, подъ № 2.

Второй типъ сребренниковъ Владиміра принадлежитъ къ разряду тѣхъ, многочисленныхъ вообще въ нумизматикѣ, монетъ, которыя не сразу нашли свое настоящее мѣсто. Первый описатель Нѣжинскаго клада (т. е. клада, открытаго въ 1856 г. близъ г. Нѣжина), Волошинскій отнесъ ихъ къ Ярославу; я доказалъ, какъ мнѣ казалось и кажется до сихъ поръ, ихъ принадлежность Владиміру; въ послѣднее время г. Черневъ, не соглашаясь ни со мною, ни съ Волошинскимъ, объявилъ ихъ неопредѣленными, отказываясь объяснить значеніе находящихся на нихъ надписей. Типичнымъ представителемъ этого разряда монетъ является экземпляръ, находящійся въ моемъ собраніи и изображенный на т. I, подъ № 11. Надпись на лиц. ст. заключаетъ въ себѣ слѣдующія буквы: ВРА Н НМ РАСРЛ+, а надпись оборотной—

Р СЕЕП РСР +ВРО

Относительно надписи лицевой стороны слѣдуетъ замѣтить, что обѣ буквы н по сторонамъ головы князя встрѣчаются не на всѣхъ штемпеляхъ этого типа, хотя на большинствѣ лучшихъ онѣ существуютъ. Поэтому, я въ своемъ первоначальномъ трудѣ писалъ (стр. 29): „не нужно особенной смѣлости, чтобъ предположить, что владнимр, или, откинувъ даже оба н, подобно Волошинскому, вадмр есть ничто иное, какъ сокращеніе имени в(л)аднимир(ъ)“. Это тѣмъ возможнѣе, что на золотыхъ монетахъ мы встрѣтились съ формами вадмиръ и вдмиръ, на монетѣ I-го типа: владнмир и, какъ мы увидимъ ниже, на монетѣ III-го типа: владнміръ. Вторую часть надписи: асрл (+) нѣсколько труднѣе объяснить. Обращаясь за аналогіями къ надписямъ лиц. ст. другихъ типовъ, мы находимъ въ нихъ двѣ категоріи: 1) владнмиръ а се его сребро, на всѣхъ пока извѣстныхъ штемпеляхъ (I-го типа) постоянно въ сокращенномъ или иска-

женномъ видѣ: є сє єго с, а сє єго, а сє єос. 2) владнмнръ на столѣ (на большинствѣ монетъ).

Еслибъ надпись на монетахъ разбираемаго типа была искаженіемъ первой, можно бы было объяснить ее слѣдующимъ образомъ: отнести букву а къ первой части надписи, къ слову в(л)аднмнр и опустить букву л, предполагая, что она лишняя; тогда получимъ: вадннмра ср, т. е. в(л)аднмнра ср(єбро). Не говоря о странности такого оборота (вм. Владимирово сребро), если даже считать его возможнымъ, все-таки покажется непонятнымъ повтореніе на об. ст.—„а се его сребро". Поэтому единственно вѣрнымъ объясненіемъ надписи мнѣ кажется слѣдующее: я думаю, что передъ буквою а пропущено н, а р ошибочно изображено вмѣсто т; тогда вторая часть надписи будетъ читаться: настл(+). Крестикъ, помѣщенный на нѣкоторыхъ экземплярахъ въ концѣ надписи, можетъ быть, замѣняетъ собою букву ѣ, какъ на об. ст. такой же крестикъ замѣняетъ букву є: а сє єга ср+вро.

Я намѣренно повторилъ здѣсь почти дословно то, что писалъ болѣе 10 лѣтъ тому назадъ (Древн. русск. монеты, стр. 29—30), не видя пока ни малѣйшей для себя причины отступиться отъ тогдашнихъ моихъ выводовъ относительно монетъ II-го типа, несмотря на нападки г. Чернева. Къ сказанному добавлю, что на монетахъ IV-го типа встрѣчаются формы н, нас, наст, замѣняющія слова на столѣ, и на монетахъ Святополка эти слова почти постоянно имѣютъ такой видъ: ні стол+.

Время чеканки монетъ II-го типа опредѣляется находками. Большинство этихъ монетъ происходитъ изъ знаменитаго нѣжинскаго клада 1856 г., о полномъ составѣ котораго у насъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Но, кромѣ того, отдѣльные экземпляры монетъ II-го типа были найдены и въ другихъ кладахъ:

1) Экземпляръ, находившійся въ кладѣ, отрытомъ въ Польшѣ близъ Ленчицы въ 40-хъ годахъ и состоявшемъ изъ монетъ X и XI ст.

2) Экземпляръ, найденный въ кладѣ, отрытомъ въ 1858 г. близъ города Шваана (слав. Живанъ) въ Мекленбургъ-Шверинѣ. Этотъ кладъ, описанный извѣстными нумизматами Лишемъ и Машемъ, состоялъ изъ монетъ X и XI в. Издатели описанія клада опредѣлили время закопки клада до 1030 г. Лишъ былъ настолько увѣренъ въ этомъ, что на запросъ А. А. Куника писалъ ему: „Швaанскій кладъ не можетъ быть позднѣе 1030 г., или же должна рушиться нумизматика, какъ она до сего времени выработалась".

Кромѣ этихъ двухъ находокъ, относящихъ время чеканки II-го типа къ концу X или началу XI в., время это косвенно опредѣляется пере-

чеканеннымъ экземпляромъ (№ 56 въ моемъ трудѣ), т.-е. такимъ, гдѣ штемпеля III-го типа нанесены на монету II-го типа; третій же типъ, какъ будетъ указано ниже, тоже долженъ быть относимъ къ X—XI вѣку.

Рядъ фактовъ, другъ друга взаимно подтверждающихъ, не можетъ оставлять никакого сомнѣнія относительно принадлежности монетъ II-го типа Владиміру Святому, какъ бы ни была на нихъ искажена надпись, заключающая въ себѣ имя государя. Какъ бы кто ни относился къ моему способу чтенія ея, одно то обстоятельство, что она начинается съ буквы в, начальной буквы имени Владиміра, должно почитаться достаточнымъ для того, чтобы предположить присутствіе этого имени на монетѣ, въ искаженномъ ли видѣ, какъ это предполагаю я, или въ сокращеніи, если кому-либо это удастся доказать, какъ это встрѣчается на многихъ средневѣковыхъ монетахъ, на нѣкоторыхъ изъ которыхъ имя государя обозначалось одною начальною буквой [1]).

Сребренники Владиміра Святого, III-го типа.

14. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя, сидящаго на престолѣ съ высокою спинкою и держащаго обѣими руками длинный крестъ, наклоненный на правое плечо. Круговая надпись:

ВЧАНМИ....

---

[1]) Г. Черневъ не согласенъ ни съ моимъ способомъ чтенія, ни съ моимъ опредѣленіемъ, но не приводитъ никакихъ фактовъ, могущихъ поколебать силу приведенныхъ мною. Надписи на II типѣ онъ, какъ и я, признаетъ искаженіемъ какой-то правильной надписи, возстановить которую онъ не берется. Противъ такой осторожности возражать я не буду, но считаю нужнымъ обратить вниманіе на абсолютную невѣрность пріема его, когда онъ, сравнивая между собою разночтенія искаженной, по его же признанію, надписи, для полученія сводной надписи придаетъ значеніе тому обстоятельству, насколько часто повторяется въ данномъ мѣстѣ какая-либо буква въ опредѣленномъ очертаніи. Разъ мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ искаженной надписью—мы никакъ не можемъ заключать, что какая-либо форма, хотя бы и часто повторяющаяся, есть именно правильная форма, а не настойчиво повторяющееся искаженіе. Хотя бы ошибка повторялась сто разъ — она все же останется ошибкою, не приближаясь къ истинѣ. Еслибъ такая часто повторяющаяся форма дала смыслъ надписи, то мы имѣемъ право ее принять за правильную, но когда она никакого смысла не даетъ, то строить на ней предположенія о нормальности этой формы невѣрно: еслибъ безграмотный человѣкъ, переписывая, скажемъ, слово «отецъ», двадцать разъ употребилъ форму: «атѣцъ» и лишь одинъ разъ «атецъ», то все же е во второмъ слогѣ будетъ правильно, а ѣ неправильно, и все же слово останется искаженнымъ, такъ какъ онъ невѣрно поставилъ букву а вм. о во всѣхъ случаяхъ.

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

ꙗ(ССГ▒▒▒▒ГО

Экземпляръ въ собраніи Нѣжинскаго лицея изъ нѣжинскаго клада. Изобр. на т. II, подъ № 8.

15. *Лиц. ст.* Подобна предъидущей, но фигура великаго князя менѣе пропорціональна (большая голова), по фактурѣ напоминая собою скорѣе штемпеля золотыхъ монетъ и сребренниковъ I-го и II-го типовъ. Круговая надпись:

ВЛАДНИМР НАСТОЛЕ+

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

ꙗСЄЄГ ОСР ЄБР О

Экземпляръ въ моемъ собраніи.

Вѣсъ 58 долей.

Изобр. на т. II, подъ № 4.

Монеты III-го типа отличаются вообще, за немногими исключеніями, правильностью и полнотою надписей: на лиц. ст.—**владимиръ на столѣ**, на об.—**а се его сребро**. Два описанныхъ выше и неизданныхъ доселѣ экземпляра, случайно, принадлежатъ именно къ числу такихъ исключеній. На первомъ изъ нихъ въ имени великаго князя пропущена буква **л**, на второмъ въ концѣ слова **столѣ** ошибочно поставлено **є** вмѣсто **ѣ**. Кромѣ того, на штемпеляхъ оборотной стороны этого типа встрѣчается на нѣкоторыхъ извѣстныхъ экземплярахъ странная особенность, заключающаяся въ томъ, что передъ словомъ **сребро** вставлена совершенно излишняя буква **л**: **а се его л сребро**. Наконецъ, въ одномъ штемпелѣ (Древн. русск. мон., стр. 36, № 66), на лиц. ст. надпись имѣетъ слѣдующій видъ: **владимір на стол**.

Сравнительная древность монетъ II-го типа была мною въ свое время опредѣлена по экземпляру моего собранія. Этотъ экземпляръ (№ 56) чеканенъ на сребренникѣ II-го типа, который, поэтому, долженъ быть признанъ предшествующимъ по времени изготовленія III-му. Абсолютная древность III-го типа опредѣляется кусочкомъ монеты этого типа, найденнымъ въ кладѣ, который мною описанъ въ т. III „Записокъ Имп. Русск. Арх. Общ.". Въ 1886 г. въ Могилевской губ. найденъ кладъ, состоявшій изъ восточныхъ монетъ, частью ломанныхъ, самая поздняя изъ коихъ относилась къ 1014 г., и западно-европейскихъ, относившихся

ко времени отъ 970 до 1025 г.; вотъ въ этомъ кладѣ и найденъ обломокъ монеты III-го типа, который, судя по составу клада, указываетъ на принадлежность этого типа Владиміру Святому.

Сребренники Владиміра Святого, V-го типа.

16. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя на престолѣ. Круговая надпись:

ЄЛ7А Н МНГ ТН

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

ІСТОЛТІ СЄЄ ГОСГ НЄГ°

Экземпляръ изъ нѣжинскаго клада въ моемъ собраніи.
Вѣсъ 73 доли (= Gr. 3,24).

Изобр. на т. II, подъ № 5.

17. *Лиц. ст.* Изображеніе, подобное предъидущему. Круговая надпись:

+ЄЛКН МНГЄСЄГЄ

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

+С ЈГІАТІГО ЄІСНЛАГ С

Экземпляръ изъ нѣжинскаго клада въ моемъ собраніи.
Вѣсъ 78 долей (= Gr. 3,47).

Изобр. на т. II, № 6.

Монеты IV-го типа вообще лучше исполнены, чѣмъ остальные типы; надписи, вообще грамотно и тщательно начертанныя, отличаются тѣмъ, что представляютъ большое разнообразіе въ распредѣленіи частей ихъ на обѣихъ сторонахъ монеты: такъ, встрѣчаются слѣдующія: 1) *Владимиръ нас* (т.-е. на столѣ) | *а се его сребро*, 2) *Владимиръ на с* | *столъ а се его сребро*, 3) *Владимиръ на сто* | *лъ а се его сребро*, 4) *Владимиръ на столъ а се* | *его сребро* (?), 5) *Владимиръ н* | *а столъ а се его сребро*, 6) *Владимиръ на с* | *а столъ а се его сребро*, 7) *Владимиръ на* | *столъ а се его сребро*, 8) *Владимиръ на столъ* | *се его сребро*. Но самая замѣчательная изъ встрѣчающихся на монетахъ этого разряда надписей находится на штемпеляхъ, которыми чеканены два экземпляра, уже описанныхъ мною, и третій, нынѣ описываемый подъ № 17; надпись эта гласитъ, на лиц. ст.: *Владимиресер*(или *г*)*е*, а на об.: *сзвятаго василя* и нѣсколько неразборчивыхъ буквъ. Объяснять этихъ буквъ я не берусь, такъ какъ онѣ очень неразборчивы и имѣютъ мало опредѣленныя очертанія. Съ

объясненіемъ уважаемаго Д. И. Прозоровскаго, которымъ почему-то остался очень доволенъ г. Черневъ, я согласиться не могу, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ три неправильности или странности: онъ предлагаетъ читать надпись такъ: „*Владимире* (принимая этотъ звательный падежъ за прилагательное, соотвѣтствующее прилагательной формѣ Ярославле) *сере*", а на оборотной сторонѣ: „*бро* (начиная чтеніе надписи какъ разъ съ загадочныхъ и неясныхъ буквъ, хотя именно въ этомъ мѣстѣ труднѣе всего предполагать начало надписи) + *съвятаго* (принимая вторую букву за ъ, что сомнительно, причемъ все же получается абсолютно неправильная форма слова) *Василя*. Не находя возможнымъ согласиться съ такимъ чтеніемъ, я воздержусь пока отъ подробнаго разбора надписи, находя наиболѣе существеннымъ въ ней фактъ присутствія на чеканенныхъ этими штемпелями монетахъ обоихъ именъ великаго князя: языческаго и христіанскаго, причемъ послѣднее отнесено не къ самому государю, а къ его святому патрону; поэтому слово „Святаго" не указываетъ на канонизацію Владиміра, каковая, конечно, могла произойти только послѣ его кончины, но присутствіе на одной сторонѣ монеты языческаго имени великаго князя, а на другой—имени его „Ангела", представляетъ близкую аналогію съ тѣмъ фактомъ, что на „Ярославлѣ сребрѣ" встрѣчается надпись ό (съ точкой посрединѣ, вмѣсто ὁ ἅγιος) Γεώργιος рядомъ съ языческимъ именемъ государя—Ярославъ.

Ни перечеканенныхъ экземпляровъ IV-го типа, ни найденныхъ отдѣльно въ кладахъ съ другими монетами, иностранными, время которыхъ опредѣлено, въ наличности пока не оказывается. Что монеты этого типа относятся, однако, ни къ какому другому государю, какъ къ Владиміру Святому, можно считать доказаннымъ. Помимо соображеній, почерпнутыхъ изъ фактовъ, приведенныхъ мною выше при разсмотрѣніи типа нашихъ монетъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, во-первыхъ, общее сходство монетъ этого типа съ тремя первыми, сходство, обнаруживаемое тождествомъ величины и металла, а также фактуры, во-вторыхъ—фактъ нахожденія ихъ въ нѣжинскомъ кладѣ совмѣстно съ монетами II-го и III-го типа, время чеканки которыхъ (въ X—XI в.) точно опредѣлено. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ вполнѣ недопустимою мысль о томъ, чтобы монеты IV-го типа съ именемъ Владиміра могли быть чеканены Мономахомъ, княжившимъ лишь во второмъ десятилѣтіи XII ст., а тѣмъ менѣе еще позднѣйшими одноименными князьми.

Монеты Святополка.

18. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя на престолѣ. Вокругъ надпись:

СТОПЛЬПЪ N....

Об. ст. Родовой знакъ иной формы, чѣмъ на монетахъ Владиміра. Круговая надпись:

+ ЖЄГ [illegible] СЄЧЄ...

Экземпляръ изъ нѣжинскаго клада въ моемъ собраніи.

Вѣсъ 62 доли (= Gr. 2,76).

Изобр. на т. II, подъ № 9.

19. *Лиц. ст.* Великій князь на престолѣ; надпись:

С.О [illegible] NІСТОЛ

Об. ст. Круговая надпись почти совершенно не видна.

Экземпляръ въ моемъ собраніи изъ нѣжинскаго клада.

Вѣсъ 51 доля (= Gr. 2,27).

Изобр. на т. II, подъ № 10.

Монеты Святополка не отличаются отъ монетъ Владиміра ни видомъ своимъ, ни фактурою. Главными отличительными чертами ихъ являются: форма родового знака и, конечно, надписи. Послѣднія, къ сожалѣнію, дешифрируются не безъ затрудненій. Наилучше исполненные штемпеля этого разряда монетъ, ближе всего по работѣ приближающіеся къ штемпелямъ IV-го типа Владиміра, послужили для изготовленія единственнаго экземпляра, доселѣ извѣстнаго, находящагося въ моемъ собраніи и изображеннаго на т. II, подъ № 7. Къ сожалѣнію, надпись лицевой стороны сохранилась весьма неудовлетворительно, какъ разъ въ той ея части, гдѣ должно находиться имя великаго князя. Отъ этого имени навѣрно сохранилась конечная буква — **ъ** и, какъ мнѣ кажется, хотя очень неясно, еле замѣтно, двѣ первыя — **ст**, такъ что всю надпись лицевой стороны я возстановляю въ слѣдующемъ видѣ:

СТОПЪЛКЪ NІСТОЛ+

Наиболѣе, однако, типичнымъ представителемъ этого разряда монетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ лучшихъ экземпляровъ слѣдуетъ

признать другую монету, изображенную на т. II, подъ № 8. Здѣсь надпись лицевой стороны имѣетъ слѣдующій видъ:

СПОПЛІСПЪ NІСТОЛ+

Вторая половина надписи, несмотря на очертанія буквы *а*, имѣющей видъ ı, вполнѣ понятна, и заключаетъ въ себѣ два слова, знакомыхъ намъ по монетамъ Владиміра: **на столѣ**; слѣдовательно, первая половина надписи должна, по смыслу, заключать въ себѣ имя собственное государя. Изъ буквъ, составляющихъ это имя, ясны слѣдующія: **с** **оплъ** **ъ**: между **с** и **о** находится знакъ, настойчиво повторяемый на большинствѣ штемпелей этого разряда монетъ, а именно =||, знакъ, не существующій въ славянскомъ алфавитѣ, и слѣдовательно представляющій собою какое-либо искаженіе. Имѣя полное право предполагать, что въ этомъ искаженіи сохранились хотя нѣкоторыя черты первоначальной, правильной формы, едва-ли возможно сблизить знакъ =|| съ чѣмъ-либо инымъ, какъ съ буквою **т** подъ титломъ: **т҃** или **т҃**. Что разсматриваемый знакъ не можетъ быть *ничѣмъ* инымъ, какъ искаженіемъ буквы **т** подъ титломъ, подтверждается тѣмъ, что начало надписи лишено было бы всякаго смысла, еслибъ мы захотѣли замѣнить эту букву какой-либо другою: перебравъ всѣ буквы славянской азбуки и вставивъ между буквами **с** и **о**, ясно видимыхъ на штемпеляхъ этого разряда, мы не получимъ начала ни одного русскаго имени собственнаго; одна буква **т** подъ титломъ, поставленная между этими двумя буквами, даетъ первую половину нѣсколькихъ славянскихъ именъ, начинающихся со слова *свят* — **ст҃о** = *свято*, Святославъ, Святополкъ, Святогоръ... Слѣдующія за этими тремя буквами три другихъ **плъ** не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно начертаннаго на занимающихъ насъ штемпеляхъ имени, такъ какъ *Святоплъ*..., какъ бы ни было окончаніе искажено, не можетъ означать другого имени, какъ *Святополкъ*. Мнѣ кажется, нужно имѣть особое желаніе спорить, чтобы возбуждать сомнѣнія относительно правильности этого способа чтенія надписи, предложеннаго еще Волошинскимъ и подтвержденнаго мною. Сомнѣнія въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе неумѣстны, что нѣтъ ни одного факта, противорѣчащаго возможности признавать данный разрядъ сребренниковъ за монеты преемника Владиміра Святаго, и что существуетъ, напротивъ, рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что монеты эти принадлежатъ ко времени княженія именно Святополка Владиміровича.

Монеты Ярослава.

Со времени изданія мною монографіи о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, мнѣ не попадалось новыхъ экземпляровъ монетъ Ярослава Владиміровича. Для того, однако, чтобы придать настоящей статьѣ возможную полноту, я счелъ не лишнимъ помѣстить на прилагаемой таблицѣ фототипическое изображеніе двухъ монетъ, уже съ достаточной точностью изданныхъ мною. Кромѣ указаннаго общаго соображенія, мною руководила мысль о необходимости не оставлять безъ возраженія новое объясненіе этихъ монетъ г. Чернева, кажущееся мнѣ рѣшительно невѣрнымъ.

На II таблицѣ подъ № 11 изображена монета, единственный экземпляръ которой находится въ моемъ собраніи и которая, въ виду своихъ особенностей, выдѣлена мною въ особый типъ. Общій характеръ работы и изображеній какъ на этой монетѣ, происходящей изъ нѣжинскаго клада, такъ и монетъ слѣдующаго типа, образецъ которыхъ представленъ въ рис. 12, не отличается отъ характера остальныхъ монетъ, описанныхъ выше, хотя онѣ и имѣютъ совершенно иныя надписи. Ясно, поэтому, что для ближайшаго опредѣленія монетъ надписи эти имѣютъ главное значеніе, такъ какъ общность характера чекана указываетъ лишь на общность эпохи изготовленія всѣхъ монетъ нѣжинскаго клада. На первой изъ изображенныхъ монетъ надпись на лицевой сторонѣ имѣетъ слѣдующій видъ:

[illegible]

съ одной стороны человѣческой фигуры, и та же надпись по другую сторону фигуры, за исключеніемъ сомнительнй буквы, имѣющей видъ перевернутаго ρ и начертанной съ боку всей надписи, сомнительной въ томъ отношеніи, что она можетъ быть принята столько же за букву, сколько за ручку кресла, на которомъ сидитъ фигура. Мною было принято слѣдующее объясненіе надписи: 1-ю букву я принялъ за перевернутое **г**, 2-я—ясное **є**, 3-я составлена изъ двухъ буквъ—**г** и **і**, 4-я—**о** и 5-я—**с**; всю надпись я читалъ такъ: **гєгіос** или **гєргіос** вмѣсто **гє(ωρ)гіос**, т.-е. Георгій и вслѣдствіе такого чтенія приписалъ монету Ярославу I Георгію, принимая ее за экземпляръ, чеканенный въ Кіевѣ. Г. Черневъ, въ упомянутой мною статьѣ, выразилъ удивленіе этому способу чтенія, находя его натянутымъ, и предложилъ болѣе простой, принявъ первую букву за **п**, а 3-ю за **т**, причемъ получилась

надпись **пєтос** или **пєтрос**, т.-е. Петръ. При такомъ способѣ чтенія мое опредѣленіе монеты, очевидно, оказывалось несостоятельнымъ и г. Черневу пришлось указать, что она принадлежитъ не Ярославу I, а неизвѣстному ни г. Черневу, ни кому-либо другому, князю Петру, княжившему неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно когда. Такимъ образомъ, уяснивъ, какъ ему казалось, надпись, г. Черневъ обратилъ самый памятникъ въ какую-то загадку, совершенно неясную. Выше я уже указалъ на то, что не вижу никакого основанія согласиться со чтеніемъ г. Чернева, здѣсь же считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе разобрать спорную надпись. Если сравнить между собою оба чтенія: **гєгіос** или **гєргіос** съ одной стороны и **пєтос** или **пєтрос** съ другой, то ясно, что спорными являются первая и третья (въ отвѣсной надписи) буквы; о нихъ, слѣдовательно, и приходится трактовать. Что первая буква есть **г**, хотя и перевернутое, а не **п**, доказывается двумя ея особенностями: во-первыхъ, тѣмъ, что одна изъ вертикальныхъ чертъ ея длиннѣе другой, и во-вторыхъ, что важнѣе, тѣмъ, что эта болѣе длинная черта заканчивается поперечиною, именно (какъ это всегда бываетъ) въ отличіе отъ другой вертикальной черты. Что поперечина эта не случайная, доказывается тѣмъ, что та же буква съ тѣми же особенностями, повторяется на оборотной сторонѣ, причемъ, однако, тутъ поперечина находится не подъ лѣвой, а подъ правой вертикальной чертою, и буква **г**, такимъ образомъ, оказывается начертанною правильно, а не обратно, какъ на лицевой сторонѣ. Примѣры обратнаго начертанія буквъ на нашихъ монетахъ столь многочисленны, что такой способъ изображенія **г** не можетъ возбуждать никакого удивленія или сомнѣнія. Относительно третьей буквы можно сказать положительно, что въ этомъ начертаніи **т** не повторяется ни на одной изъ извѣстныхъ монетъ разбираемаго періода, да и вообще не похожа ни на одну изъ извѣстныхъ на нихъ буквъ, а потому я и считаю себя въ правѣ повторить предположеніе, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя буквами, слитыми въ одну.

Такимъ образомъ, мнѣ продолжаетъ казаться несомнѣннымъ, что надпись слѣдуетъ читать **гєгіос** или **гєргіос**, а не **пєтос** или **пєтрос**. Подтвержденіе тому, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ искаженіемъ имени Георгія, слѣдуетъ видѣть въ надписи оборотной стороны, на которой, несмотря на неудовлетворительную сохранность, можно легко различить слѣдующія буквы

О
Г
Є
О
Р

, т.-е. начало имени Георгія, передъ коимъ по-

ставленъ опредѣленный членъ: ὁ Γεωρ(γιος), обычное сокращеніе вмѣсто ὁ ἅγιος Γεώργιος. Если предложенное мною чтеніе вѣрно (а оно мнѣ казалось и кажется вѣрнымъ), то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что описанная монета принадлежитъ никому иному, какъ Георгію-Ярославу, будучи найдена вмѣстѣ съ монетами Владиміра и Святополка и имѣя съ ними несомнѣнное и близкое родство. Скажу даже больше — еслибъ я согласился признать надпись на лицевой сторонѣ сомнительною, то двухъ фактовъ—совмѣстнаго нахожденія нашей монеты съ монетами Владиміра и Святополка и однородности ея съ остальными монетами клада—было бы достаточно для признанія ея сребренникомъ одного изъ трехъ государей: Владиміра, Святополка или Ярослава, причемъ надпись оборотной стороны ясно указываетъ на послѣдняго. Сказанное относится почти всецѣло и къ слѣдующему разряду монетъ, образецъ котораго изображенъ на т. II подъ № 12, а другой выше въ текстѣ (рис. 24). Раньше мною было указано, какъ я читаю надписи на этихъ монетахъ, представляющихъ собою, по моей классификаціи, II-й типъ монетъ Ярослава. Надписи эти несомнѣнно крайне искажены малограмотными монетчиками XI вѣка и поэтому строить на однѣхъ этихъ надписяхъ какія-либо заключенія было бы крайне рискованно, тѣмъ болѣе, что и количество извѣстныхъ экземпляровъ, которые всѣ найдены исключительно въ нѣжинскомъ кладѣ, крайне ограничено, не отличаясь сохранностью. Но, несмотря на малочисленность и на плохую сохранность, мы можемъ съ увѣренностью указать, во-1-хъ, на то, что надписи на этихъ монетахъ не тѣ, которыя встрѣчаются на остальныхъ монетахъ нѣжинскаго клада, и, во-2-хъ, на то, что родовой (или какъ бы его иначе ни называли) знакъ на об. ст. имѣетъ особый видъ. Эти оба факта заставляютъ предполагать, что мы въ лицѣ этого типа имѣемъ дѣло съ памятниками иного государя; а этимъ инымъ государемъ, при доказанности принадлежности главной массы монетъ нѣжинскаго клада Владиміру Святому и Святополку, не можетъ быть никто иной, какъ Ярославъ. Противъ этого *можно* возразить, что надписи достаточно разнообразны, какъ мы видѣли выше, на отдѣльныхъ типахъ монетъ Владиміра, а что родовой знакъ на монетѣ Ярослава, I-го типа, тождественenъ съ таковымъ же на монетахъ Святополка и что вообще на трехъ типахъ монетъ Ярослава этотъ знакъ имѣетъ три различныхъ вида; въ такомъ случаѣ, т.-е. въ случаѣ признанія основательности этихъ возраженій, я могъ бы скорѣе согласиться съ тѣмъ, что и эти монеты слѣдуетъ относить къ княженію Владиміра или Святополка (послѣднее было бы допустимѣе, тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстно христіанское имя этого государя), чѣмъ пред-

полагать, что онѣ относятся ко времени потомковъ Ярослава, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы признать существованіе въ составѣ нѣжинскаго клада такого долголѣтняго перерыва, который положительно немыслимъ. Тутъ мнѣ слѣдовало бы, можетъ быть, подробнѣе поговорить о составѣ кладовъ вообще, заняться теоріей о кладахъ, но считаю этотъ вопросъ настолько существенно-важнымъ въ нумизматикѣ, что предпочитаю, ради большей убѣдительности и ясности, посвятить ему отдѣльную статью, которую я готовлю къ печати. Здѣсь ограничусь повтореніемъ того, что я говорилъ о кладахъ въ своей книгѣ (стр. 191—192): промежутокъ времени между годомъ чеканки старѣйшихъ монетъ въ кладѣ и годомъ чеканки новѣйшихъ изъ находимыхъ въ одномъ кладѣ рѣдко превышаетъ среднюю продолжительность жизни одного человѣка, т.-е. 40, 50 лѣтъ, иногда же этотъ промежутокъ не превышаетъ нѣсколькихъ лѣтъ, не обнимая собою даже одного десятилѣтія. Второе общее правило, выработанное археологическою практикою, состоитъ въ томъ, что во времени чеканки отдѣльныхъ монетъ одного клада не бываетъ крупныхъ скачковъ; такъ, если археологъ слышитъ, что въ одномъ кладѣ найдены монеты двухъ государей, отдѣленныхъ другъ отъ друга однимъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькими другими, царствовавшими послѣ перваго и раньше втораго, и что въ немъ не найдено ни одной монеты этихъ промежуточныхъ государей, у него неизбѣжно возникаетъ убѣжденіе, что кладъ былъ расхищенъ прежде, чѣмъ сдѣлался достояніемъ науки. Для опредѣленія времени закопки клада обращаютъ обыкновенно вниманіе на новѣйшія изъ зарытыхъ въ немъ монетъ. Если кладъ зарытъ въ самомъ началѣ царствованія какого-нибудь государя, обыкновенно находятъ только небольшое число его монетъ, сравнительно со всѣмъ количествомъ; если же онъ зарытъ ближе къ концу долговременнаго и счастливаго царствованія государя, монеты послѣдняго часто составляютъ почти всю массу клада.

Конечно, сказанное относится къ главной массѣ монетъ въ кладѣ и, кромѣ того, какъ всякія общія правила, допускаетъ рядъ исключеній и отступленій, но, какъ я обѣщаю доказать вскорѣ, не настолько многочисленныя и столь легко и просто объяснимыя, что правило остается правиломъ, а потому предполагать существованіе этихъ отступленій слѣдуетъ лишь на основаніи твердыхъ и доказательныхъ данныхъ. Впрочемъ, даже не прибѣгая къ теоріи кладовъ, каждый опытный нумизматъ или археологъ, на основаніи одного лишь внѣшняго вида *всѣхъ* русскихъ монетъ, описанныхъ въ моей книгѣ, ни на минуту не усумнится въ общности ихъ по времени изготовленія въ сравнительно короткій періодъ

времени. А такъ какъ часть ихъ *несомнѣнно* чеканена въ X или XI вѣкѣ, то и остальныя столь же несомнѣнно относятся къ тому же времени.

Итакъ, счастливые обладатели описанныхъ мною монетъ могутъ, безъ малѣйшихъ сомнѣній или колебаній, быть увѣренными въ томъ, что они владѣютъ памятниками X-го и XI-го вѣковъ, подлинными денежными знаками первыхъ трехъ христіанскихъ нашихъ государей, не смущаясь никакими заподозриваніями этихъ интересныхъ и важныхъ, хотя и незначительныхъ по величинѣ, памятниковъ. Не говоря о спеціально-нумизматическомъ интересѣ, возбуждаемомъ нашими монетами, не лишне обратить вниманіе на ихъ существенное значеніе въ области палеографіи, какъ „носителей“ древнѣйшихъ образчиковъ русской азбуки. Въ виду этого ихъ значенія, я постарался передать въ текстѣ точнѣйшимъ образомъ истинную форму встрѣчающихся на нихъ буквъ и составилъ помѣщаемую ниже азбуку, заключающую въ себѣ главныя очертанія каждой буквы, встрѣчающейся на нашихъ монетахъ. Было бы чрезвычайно важно установить, къ какой монетной системѣ принадлежатъ древнѣйшіе русскіе денежные знаки, но этого сдѣлать пока мнѣ не удалось въ той мѣрѣ, чтобы можно было утверждать что-либо положительно; мнѣ кажется, однако, болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что наши монеты, судя по ихъ вѣсу и формѣ, были предназначены замѣнить ходячую до X—XI вѣка въ Россіи восточную монету—диргемы. Это вопросъ болѣе сложный, чѣмъ онъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а потому оставляю его открытымъ. А затѣмъ, въ заключеніе позволяю себѣ пожелать всѣмъ любителямъ русской нумизматики, чтобы новые обильные клады выпустили на свѣтъ Божій возможно большее количество интереснѣйшихъ во всей русской нумизматикѣ монетъ, благодаря которымъ все, остающееся не вполнѣ яснымъ въ нихъ, выяснилось бы, а доказанное подтвердилось бы такъ, чтобъ и сомнѣвающіеся болѣе не сомнѣвались.

Важнѣйшія формы буквъ, встрѣчающихся на русскихъ монетахъ X—XI вѣка въ алфавитномъ порядкѣ.

а

б

в

г

д

е

и

і *к*

л

м

н

о

п

р

с

т

у *х*

ъ

ѣ *ю* *ѧ* *я*

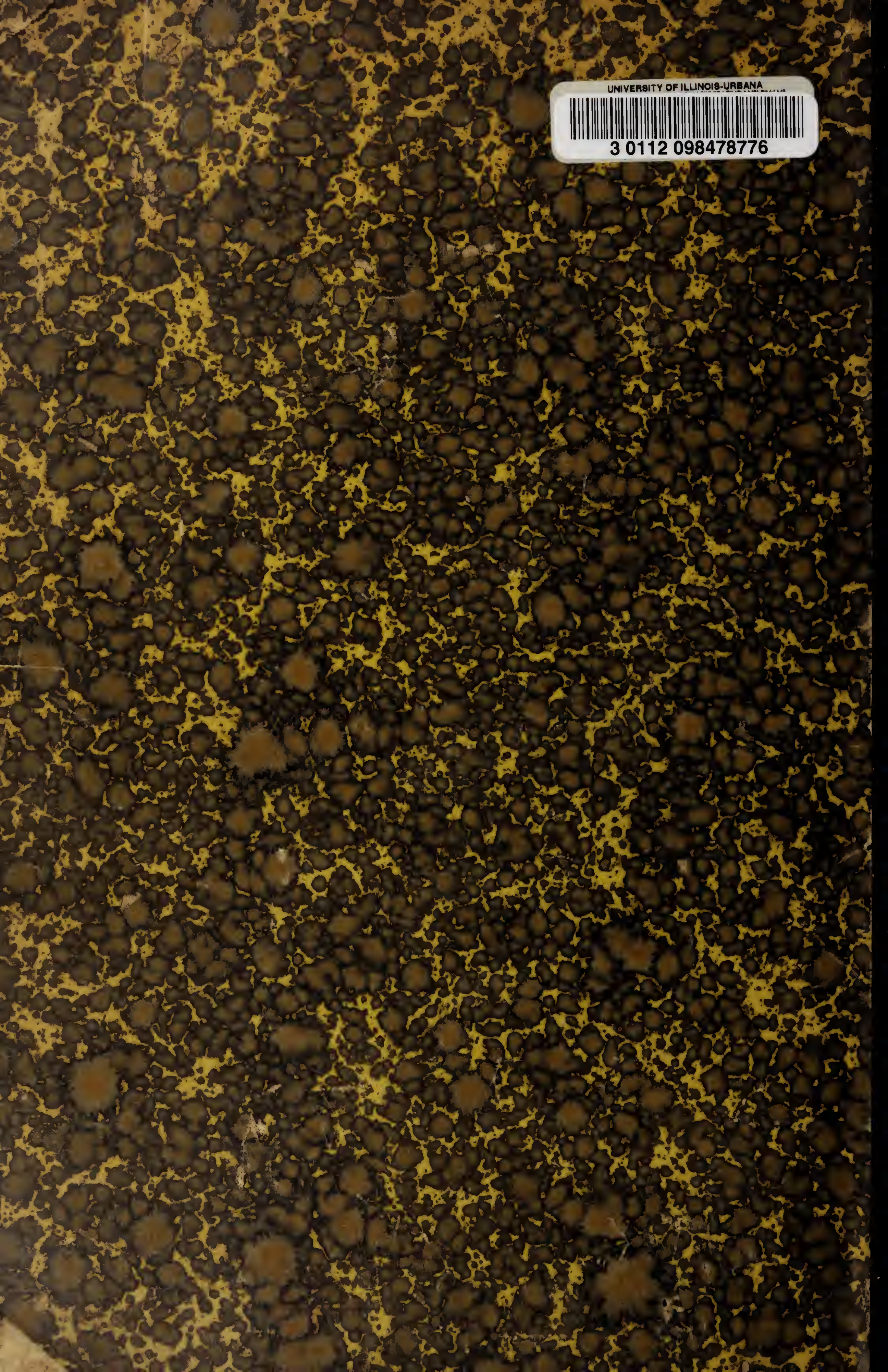

Худож. Фототип. А. И. Вильборгъ

С.-Петербургъ, Мѣщ. 19.

Худож. фототип. А. И. Вильборгъ С.-Петербургъ, Мѣщ. 19.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 098478776